

The background of the book cover is a dark, atmospheric painting. It depicts two figures in a dimly lit setting. On the left, a person is partially visible, wearing a dark coat with a fur collar and a decorative sash. On the right, a woman with pale, greenish-yellow skin and wide, staring eyes looks towards the viewer. She is wearing a light-colored, possibly white, garment. The overall mood is somber and mysterious, with a focus on the figures' expressions and the dark, textured background.

18+

А. С. Стрекалов

Страсти по Гоголю

"Мёртвые души - 2"

Александр Стрекалов

**Страсти по Гоголю, или
«Мёртвые души – 2»**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Стрекалов А. С.

Страсти по Гоголю, или «Мёртвые души – 2» / А. С. Стрекалов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-12145-4

За основу взята повесть великого русского писателя, но только осовремененная, где живут и работают современные российские граждане - обитатели бывших “советских научно-исследовательских гнёзд”. Люди “учёные” и “высоконравственные”, с дипломами и диссертациями все как один. Которые, тем не менее, не уступают дремучим гоголевским персонажам ни в чём. А часто даже и превосходят их “достоинствами” и “талантами”. Чем подтверждают простую в общем-то мысль, что человеческая природа из века в век не меняется... На обложке - картина И.Е.Репина «“Самосожжение” Гоголя» 1909 год.

ISBN 978-5-532-12145-4

© Стрекалов А. С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

От автора	5
1	7
2	12
3	15
4	18
5	22
6	25
7	28
8	32
9	36
10	40
11	45
12	47
13	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

От автора

За основу произведения взята известная повесть великого русского писателя, провидца, медиума и пророка, но только осовремененная, рассказанная современным же языком, где живут и работают современные российские граждане – обитатели бывших *“советских научно-исследовательских гнёзд”*, оборонных и гражданских НИИ, НПО и КБ так называемых. Деятели “учёные”, “прогрессивные” и “передовые”, “культурные” и “высоконравственные” все как один, интеллектуальная элита общества (именно и только так они все про себя считали), с дипломами и диссертациями в карманах, и псевдо-научным гонором на лице, апломбом даже! – а как таким “небожителям” и “светилам” с окружающими иначе-то себя вести, согласитесь?! Но которые, в действительности и на поверку, не уступают дремучим гоголевским персонажам ничуть своими “достоинствами”, “качествами” и “талантами”. А часто даже и превосходят их – и по отдельности, и совокупно. Чем подтверждают простую и очевидную для знатоков-душеведов мысль, что человеческая природа из века в век мало меняется. Если меняется вообще. И социальные двуногие человеко-подобные трутни и паразиты – явление незыблемое и вечное в мире людей, как те же холод, сырость и грязь, болезни, голод и эпидемии...

Гоголь Николай Васильевич, мир праху его и вечная память и слава, будучи глубоким мистиком от природы, видел параллельный, паразитический, дьявольский мир на удивление ясно и чётко – как, может, никто другой в нашей литературе (из последних таким могучим мистиком и провидцем был Николай Викторович Левашов). И пытался на протяжении короткой земной жизни этот мир описать по возможности точно и убедительно – передать своё *тайное знание* людям, предупредить Россию и братьев-русов о надвигающейся на нас опасности, что может обернуться трагедией, катастрофой даже, если защитных мер не принять. Он это и сделал правдиво, мужественно и талантливо в прекрасной повести «Вий»; отчасти и в «Страшной мести», «Портрете», «Мёртвых душах» и «Тарасе Бульбе». Но то были первые, достаточно робкие попытки.

А за несколько лет до смерти, когда параллельный, Чёрный, враждебный и хищный мир уже навалился на Гоголя всей своей испепеляющей ядовито-кипящей массой, он, ужаснувшийся от внезапно открывшейся ему кроваво-огненно-красной картины, воистину апокалиптической, попытался запечатлеть её во втором томе «Мёртвых душ»... Но сделать этого так и не смог, увы. И сил уже не хватило, как представляется. Задача-то уж больно масштабной и грандиозной была, неподъёмной для простого смертного: с Дьяволом мир познакомить, с его беспримерной и ошеломляющей мощью, гением и красотой. И не было рядом подходящего человеческого материала, что тоже немаловажно для любого художника, в котором бы можно было с точностью воплотить кружившиеся в голове и сознании дьявольские видения... А живописать лишь примитивный “Чёрный квадрат” на бумаге, как это заносчиво и неумно сделал К.Малевич, Гоголь не пожелал: для него, провидца, Мастера и кудесника слова, это было бы слишком мелко и пошло – пустые абстракции после себя оставлять, которые ничего не дают ни уму, ни сердцу. Только одни намёки... В этом-то и заключалась подлинная трагедия писателя – как автор её понимает, – в невозможности избавиться от Черноты, от потусторонних дьявольских наваждений, что терзали душу и голову Светлого Русского Гения каждый Божий день. И так, в итоге, его изнутри и сожрали, как раковые клетки больного жрут...

Данной повестью автор подводит читателей к мысли, что если бы Гоголя воскресить, допустим, и устроить работать в любой крутой советский НИИ на месячишко, да с тамошними обитателями его познакомить, позволить их ему рассмотреть поподробнее, мысленно препарировать и изучить, – так вот, автору кажется, что второй том «Мёртвых душ» Гоголь бы после этого без труда написал. И без особых мучений, главное. Человеческого материала, во всяком случае, – предполагаемых героев несостоявшегося романа, – у него за глаза хватило бы. Потому

что *чернее* и *гаже*, и *подлее* существ, что обитали в бывших советских псевдо-научных конторах, наверное и придумать трудно...

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ **НИКОЛАЯ ВИКТОРОВИЧА ЛЕВАШОВА** – РУССКОГО ГЕНИЯ И ПРОРОКА, НЕУТОМИМОГО, ПЛАМЕННОГО И БЕССТРАШНОГО БОРЦА С СОЦИАЛЬНЫМИ И КОСМИЧЕСКИМИ ЧЕЛОВЕКОПОДОБНЫМИ ПАРАЗИТАМИ – ПОСВЯЩАЕТСЯ!!!

*«Кто жил и мыслил – тот не может
в душе не презирать людей».*
А.С. ПУШКИН

« – Николай Степанович, – сразу приступил Роман к делу, – слушал я сейчас сынишки-ку... “Русь-тройку” учит...

– Так.

– И чего-то я подумал: вот летит тройка, все удивляются, любят, можно сказать, дорогу дают – Русь-тройка! Там прямо сравнивается. Другие державы дорогу дают...

– Так...

– А кто в тройке-то? – Роман пытливо уставился в глаза учителю. – Кто едет-то? Кому дорогу-то?...

Николай Степанович пожал плечами.

– Чичиков едет...

– Так это Русь-то – Чичикова мчит? Это перед Чичиковым шапки все снимают?

.....

– Ну и что?

– Да как же? Я тогда не понимаю: Русь-тройка, так же, мол... А в тройке – шулер. Какая же тут гордость?

Николай Степанович, в свою очередь, посмотрел на Романа... Усмехнулся.

– Как-то вы... не с того конца зашли.

– Да с какого ни зайдёшь, – в тройке-то Чичиков. Ехай там, например... Степан Разин, – всё понятно. А тут – ездил по краю...

– По губернии.

– Ну, по губернии. А может, Гоголь так и имел в виду: подсуроплю, мол: пока догадаются – меня уж живого не будет. А?...

В.М. ШУКШИН Рассказ “Забуксовал”

«Только невежество открывает дорогу Злу...»

«Там, где происходит уничтожение цвета нации и разрушение морали, неизбежно присутствуют Тёмные Силы, подминающие под себя очередной народ или нацию...»

Н.В. ЛЕВАШОВ

1

С Валеркой я познакомился летом 1997 года, когда работал охранником на Горбушке – крупном московском торговом центре, если кто знает, что находится рядом с метро «Багратионовская», в здании бывшего столичного завода «Рубин». Знакомство наше было недолгим, но запоминающимся – из тех, что глубокому чувству сродни, потрясающему воображение, душу. Поэтому-то и хочется про него рассказать: поклясться могу, что задушевный рассказ мой будет и поучительным, и интересным.

Сразу же надо предупредить, что я – провинциал; приехал в Москву на заработки из Владимирской области, из города Гусь-Хрустальный, где при советской власти, если кто помнит, опять-таки, не забыл, производился отменный высококачественный хрусталь, прославлявший и кормивший нас всех, местных владимирских жителей. Но в *перестройку* наши стекольные заводы встали из-за невозможности реализовывать продукцию, в которой отпала нужда. Обнищавших и оголодавших людей, граждан новой России, больше мясо и хлеб вначале 90-х интересовали, а не сверкающие на солнце фужеры, графины и вазы разной расцветки и формы, что звенели тоньше и звонче, и пронзительнее при соударении, чем даже многие струнные музыкальные инструменты – скрипки, гитары, гусли; или те же колокольчики-бубенцы. И мы, молодые владимировцы, гуськом подались на заработки в Москву: работаем здесь кем придётся, где и как кому повезёт.

Про себя скажу коротко, что зовут меня Виктором, фамилия моя Родионов, мне 41 год от роду. По профессии я – потомственный стеклодув: мой отец и оба брата его, два моих дяди то есть, все как один Родионовы, до сих пор трудятся на заводе, на котором когда-то работал и я, и где по полгода не платят зарплату. Представляете?! Выживают мои престарелые родственники и земляки тем, что собственноручно изготовленный на заводе хрусталь таскают домой сумками с разрешения начальства. И потом вечерами и по выходным, сами опять-таки, продают его вдоль пригородных дорог и трасс по бросовым ценам – тем же москвичам или гостям-туристам; кланяются и унижаются перед ними, просят за ради Господа Бога хоть что-то купить, не дать умереть с голодухи... Жизнь, как говорится, собачья – но другой у нас там нет. И в ближайшем будущем не предвидится – вот что печально-то, что тягостнее всего. Дома, короче, тоска ужасная от хронического безденежья, что не хочется даже и говорить – про нашу заброшенность и безысходность.

Лично меня такой «семейный подряд» не устраивает, естественно, – по трассам с хрусталём бегать и потом стоять по полдня на обочине, пыль глотать, проезжающих богатеев отлавливать, лебезить перед каждой столичной бабой, глазки ей, дуре крашеной, строить, сопли рукой вытирать. Да и семью случайными заработками не прокормишь, нищенскими подачками – что и говорить. А она у меня не маленькая, честно признаюсь, все точки над ё расставляю: одних ребятишек четверо, не считая скотины домашней, кошек и пары собак, которых, как и людей, поить и кормить надобно бесперебойно и по нескольку раз на дню. Дело это известное и законное: любая животина пищи требует, без кормёжки никто не проживёт.

Поэтому-то я четыре года назад, аккурат после расстрела Дома Советов осенью 93-го, когда с зарплатой совсем туго стало, ну просто совсем, я и подался на заработки в Москву, где при желании можно *зашибать-заколачивать* (так у нас во Владимире называют левые столичные заработки) неплохие деньги. Меня в столицу сманил шурин Колька, брат моей жены, который на два года меня моложе и с которым у нас самые добрые, приятельские отношения, одинаковые взгляды на жизнь, на проблемы – на всё. Вдвоём нам с ним в огромной и сверхжёсткой, сверхскоростной для неповоротливого провинциала Москве не так страшно и сиротливо.

За те неполные четыре года, что мы с Колькой в Первопрестольной в батраках отираемся, мы сменили уже кучу мест и массу специальностей: и на стройке работали разнорабочими, и в торговле, и в ресторанах грузчиками и охранниками лямку тянули. Последние полгода работаем на Горбушке, огромном торговом центре на западе города, торгующем электроникой. Работаем по ночам на главных воротах – выпускаем машины с товаром, который сюда ночью в основном и завозят, чтобы не прерывать торговлю, коммерсантам *“бабло рубить”* не мешать. Ночь отдежурим, потом ночь дома спим, сил набираемся. И так все полгода... Если силы останутся – можно и по Москве помотаться, достопримечательности посмотреть: город огромный и очень красивый, зелёный; к тому же – разрастающийся на глазах, и в центре и на окраинах... Грязи, правда, много скапливается повсюду каждый Божий день от уличной бесконтрольной торговли. Но, всё равно, тут есть на что посмотреть, чему порадоваться и подивиться. Других таких размашистых и на глазах разрастающихся вширь и вверх городов в России, наверное, нет.

Да, вот ещё что. Мы с шурином квартируем на Большой Филёвской: снимаем комнату у бабки Веры, с которой ещё проживает внук. Паренёк он неплохой, в целом, – но ужасный бездельник и выпивашка: постоянно нас на “пузырь” раскручивает, паразит. Считает, что мы, провинциалы-съёмщики, просто обязаны его, хозяина-москвича, периодически выручать и хмелить – потому что он вроде как нас выручает, жильём одаривает, углом, себя во всём ужимая. Нам это страшно не нравится, понятное дело, такая дискриминация с его стороны, – но куда деваться: раз в неделю ставим ему, алкашу, “пузыри”. На улице-то оставаться нам с Колькой совсем не хочется, чем нам бабкин внучок то и дело грозит: что, мол, выгонит нас, “жуков деревенских”, к лешему из дому, новых постояльцев найдёт, пощедрее и поприветливее. Мы оба боимся этого, разумеется, да ещё как! Ибо снять дешёвую квартиру в Москве – нешуточная проблема. Особенно для нас, приезжих, которых везде обманывают и обсчитывают, у которых лишней копейки за душой нет, да и прав – тоже.

Но сейчас не об этом речь – это всё частности, мелочи жизни, как говорится, которые, поднатужившись, можно и перенести, потерпеть маленько. Главное, есть работа в Москве, и есть заработки, которых во Владимире и вовсе нету. А без работы человеку нельзя – без работы мы все сопьёмся в два счёта, с голоду передохнем...

Ночная работа охранником мне в целом нравится: нет дневной надоедливой толкотни и нет людей, от которых традиционно одни проблемы. Мы, сугубые провинциалы, не привычны к московскому вечному шуму и суете: они быстро нас всех утомляют и раздражают. А ночью одни только машины ездят мимо будки, которым лишь надо шлагбаум открыть да проверить, что они ввозят на территорию и что вывозят. И начальства нашего нет перед носом, которое вечно всем недовольно, и только штрафами нас и выговорами мордует, да дополнительными обязанностями.

Сначала мы с шурином работали в одну смену и на одном посту, что для обоих было просто чудесно, как в сказке, – спокойно на службе, весело и легко: мы же родные люди. Но потом, к лету ближе, его на другие ворота приказом перевели, чтобы, значит, наш семейный дуэт разбить, который начальству, видите ли, не понравился: показался подозрительным и опасным, почти криминальным. Испугались начальники-хозяева, что мы на пару ворует будто бы; или ловчим и левачим, на худой-то конец. Они и взъерепенились, встали в позу.

И я без него, без шурина-то, затосковал с незнакомым напарником, нахрапистым молодым туляком, бывшим парикмахером по разговорам, малым жадным и нахальным до невозможности, который всё с шоферов оброк брать пытался, мзду за проезд, – за что его в итоге уволили. И правильно сделали, надо сказать: мне такие дележки и ловкачи, да ещё и барышники-крохоборы вдобавок и самому не нравятся.

После него, этого туляка бессовестного и барыжного, мне и привели в помощники новичка Валерку. Парня, который мне сразу же приглянулся, пришёлся по сердцу что называ-

ется – тем, главным образом, что держался спокойно и уверенно с первого дня, с неким достоинством даже как со мною, напарником своим, так и с начальниками, да и с шоферами теми же; левачить никогда не пытался, избеги Бог, не нахальничал на посту, норов не проявлял, не сачковал и не тарыхтел без умолку. И в душу ко мне не лез с расспросами и разговорами, что существенно, чего я не переношу и от чего завожусь и нервничаю... Но главное, чем он меня поразил в первую же с ним смену, ошарашил прямо-таки – так это своим насмешливым заявлением, что был он, якобы, коренным москвичом; причём – москвичом образованным, не чушкарём, не работягой.

Поначалу-то я этому не поверил – решил, что новичок врёт, покрасоваться передо мною хочет, солидности себе добавить, “весу”. У нас ведь на Горбушке-то москвичи не работали, как правило, – ни продавцами, ни грузчиками, ни сторожами, – а работали одни приезжие, “лимита”. В лучшем случае – жители Московской области, у кого в столице не имелось ни кола, ни двора, ни прописки, и кому здесь элементарно деваться некуда было, харчами перебивать и гонор начальству показывать: туда, мол, пойду работать, а туда не пойду, извините, не по чину мне, не по статусу. Я об этом так ему, помнится, и сказал, с некоторым презрением даже, когда стояли и беседовали с ним возле шлагбаума, знакомились и притирались: да ладно, мол, тебе, Валер, “свистеть”-то! Если ты, мол, москвич – то какого хрена сюда к нам, в наш отстойник торговый забрался, который уважающие себя москвичи за версту обходят, за две версты? Но он молча достал из кармана паспорт и показал мне его, смеясь. И там действительно было написано, чёрным по белому, что он – коренной москвич, родился и вырос в столице, паспорт здесь получал и был постоянно прописан по Новозаводской улице в доме №11.

– А чего же ты тогда к нам-то сюда залетел, Валер, не понял?! с какого такого дикого перепою?! – ошалело спросил я его, возвращая ему документ и глаза тараща. – Ведь вам, москвичам, здесь в столице любые конторы и двери открыты, даже самые блатные и высокооплачиваемые. А ты тут за копейки рядом со мною будешь пахать, в дерьме нашем зловонном копать. Да ещё и ежедневно п...здули огребать от начальства – это как пить дать. Тут все у нас огребают.

– Я сюда временно к вам устроился, на месячишко всего, по договору, – спокойный ответ последовал. – Чтобы и к дому поближе работать: я сюда на Горбушку пешком прихожу, – и времени свободного побольше было... Я сейчас заграндокументы оформляю, – подумав, уточнил Валерка. – На выезд из страны. В Германию на ПМЖ хочу умотать, от нашего бардака и бл...дства подальше, которые достали уже, которые сил терпеть уже нету. А пока документы оформляются – это дело небыстрое и канительное, – я и решил сюда устроиться, перед отъездом хотя бы на хлеб и колбасу себе и семье заработать, у родителей и тёщи на шее не сидеть. Мы в Германию с женой и дочкою ведь уезжаем. Поэтому жена тоже пока не работает: по ОВИ-Рам почти ежедневно носится, по ЖЭКах и паспортным столам, всякие мелочи там утрясает, и дома без дела сидит, и соответственно без зарплаты. У нас сейчас с ней каждая копейка на учёте. Я – единственный кормилец.

–...А до этого ты где работал? – поражённый услышанным, спросил я его, с мыслями разбежавшимися собираясь, – специальность какая у тебя? По виду-то ты вроде не мальчик, тебе не 20 лет. Семьянин, к тому же. Должен был поэтому где-то трудиться, что-то делать, производить, кормить жену и дочурку.

– Ты прав, Вить, я уже далеко не мальчик, – продолжая улыбаться приветливо и спокойно, ответил мне на это Валерка. – Мне 34 весною исполнилось, а моей дочурке уже десять лет. А до этого я работал... – он задумался на секунду, подбирая нужные слова, – до этого где я только не работал, по правде сказать: за два последние года много в Москве мест сменил. Хотя основная моя специальность – инженер-электронщик. Я в 1985 году МИРЭА закончил, Московский институт радиоэлектроники и автоматики – в переводе, и десять лет потом оттрубил в секретном оборонном НИИ Прикладной механики, который на Авиамоторной улице

располагается, рядом с одноимённым метро. Там я и трудился, если так можно выразиться; в белом халате, помнится, по институт ходил, важным был, гордым первые несколько лет как и все учёные... Наш институт *гироскопами* занимался, главной технической частью любого космического корабля, любой ракеты, танка, подводной лодки; да и до сих пор занимается. Его Виктор Иванович Кузнецов основал в 1955 году, соратник и дружок королёвский; дважды Герой Соцтруда, академик и лауреат всех главных советских премий: Сталинской, Ленинской и Государственной, – неоднократный лауреат. Сильный был дядька, грамотный и башковитый, Царство ему небесное. Такого в нашей космической отрасли наворотил, что до сих пор только диву даёшься, какие у нас в стране научные гении когда-то водились.

– ...А потом чего? Ну-у-у, с этим твоим институтом, в котором ты столько времени “оттрубил”? Закрыли, что ли, а вас всех за забор? – за ненадобностью?

– Да нет, не закрыли: стоит ещё институт. И одуревшие от безделья сотрудники там ещё по углам отираются, как я слышал. Сидят – и “у моря погоды ждут”; или “когда рак на горе свистнет”... Это я просто решил уволиться оттуда: летом 1995 года плюнул на всё, написал заявление на расчёт и пустился на “вольные хлеба”. Сначала в автосервис устроился к брату, потом – в торговлю, в бизнес вынужденно ушёл, которым все сейчас у нас занимаются, на котором прямо-таки помешались люди.

– ...Я чего-то не понял, Валер, мысль твою не догнал, – затряс я тогда головой очумело, принимая болезненное выражение на лице и заметно лоб морща. – Растолкуй поподробнее: зачем тебе надо было из такого престижного места в торговлю-то уходить по собственной воле, в бизнес этот вонючий, где кроме жулья и грязи нет ничего и не будет? За каким лешим понадобилось менять свой белый крахмальный халат, как ты говоришь, тишину кабинетную и перспективу на засаленную охранную робу и убогую будку нашу, в которой впору собак держать, а не людей служилых?! Сидел бы сейчас там, в тепле и светлее, и уюте – и в ус бы не дул. Поди, плохо!... И зачем тебе надобно из Москвы – опять-таки, не понимаю, не соображу, не врублюсь, хоть убей! – из дома родного, насиженного и намоленного, где у тебя есть всё, наверное, включая сюда и родителей, в какую-то сраную Германию уезжать, к чужим незнакомым людям?! К немцам – к тому же, фашистам, где ещё неизвестно, как у тебя всё сложится?... Ну ладно я тут у вас бомжую четвёртый год уже, рвань приезжая, неграмотная, случайными заработками перебиваюсь, снимаю углы: у нас в Гусь-Хрустальном после развала СССР вообще никакой работы нету, за которую б регулярно деньги платили. Хоть плачь. И пока, увы, не предвидится... Но это, надеюсь, – временное явление, постперестроечное и вынужденное. Надеюсь, верю и жду, что будет и у нас работа, что когда-нибудь переменится жизнь, и к прежнему всё вернётся... Да и Москва – это тебе не Германия: тут родные русские люди повсюду, родной русский дух; тут половина нашей Владимировой области, наконец, временно промышляет... Но ты-то! ты чего дёргаешься и суетишься, столичный коренной житель, по автосервисам и торговым точкам уже второй год мотаешься, грязь вместе с нами месишь, имея такую специальность, диплом, квартиру, прописку и связи?! Сначала с престижной работы уволился непонятно с чего! А теперь и вовсе Родину хочешь покинуть, где у тебя есть всё, повторю, для сытой и комфортной жизни – семья, здоровье, родственники и друзья, отчий дом, отец с матерью?! С жиру что ли бесишься, Валер?! Или с дуру?!...

Валерка хмыкнул на эти мои слова, недовольно поморщился и скривился: видно было, что они ему совсем не понравились, покоробили даже, а может и оскорбили.

– ...Я богачом никогда не был, “хомячком” изнеженным и избалованным; родился и вырос в простой московской семье, где вечно копейки считали, “пахали” от зори до зори, скандалы из-за лишней потраты устраивали, – подумав, произнёс он, на меня не глядя. – И дураком меня тоже никто никогда не считал. Так что твои замечания, Витёк, не по адресу.

После этого он демонстративно отошёл от меня, остановился с другой стороны шлагбаума в ожиданье машины, сигарету начал нервно курить, давая этим понять, что разговари-

вать со мной больше не собирается, что обиделся. И больше мы с ним в ту смену о личном уже не беседовали. Только о служебном, и очень коротко: “открой”, “запиши”, “проверь и впусти”. Да ещё утром сухо сказали друг другу “пока” – и разошлись, чтобы через два дня вечером у ворот опять встретиться...

2

Оба выходные беседа с новым напарником не шла у меня из головы. Как, кстати сказать, и он сам, 34-летний интеллигентный москвич приятной наружности, бывший инженер-электронщик. Мне было так странно и, одновременно, дико узнать, что он, не глупый по виду парень, вдруг взял и бросил по какой-то непонятной причине престижную и высокооплачиваемую работу в крутом столичном НИИ. Добровольно покинул место службы, то есть, о которой многие люди, поди, да даже и москвичи, и помыслить не смеют, куда всеми правдами и неправдами попасть стремятся – но всё тщетно... А теперь вот и вовсе из страны навсегда умотать собирается, прихватив семью. Это после шикарной Москвы-то! Зачем? почему? на кой ляд? – дивился я в растерянности. Что была за напасть такая чрезвычайная и непреодолимая, толкавшая его в столь опасное, как ни крути, и крайне рискованное предприятие?...

Не удивительно, что, придя через два дня на работу и встретив Валерку у будки охранников, уже переодетого в робу и готового служебные обязанности исполнять, я поздоровался как ни в чём не бывало, крепко пожал ему руку, сделав тем самым вид, что не помню его позавчерашней обиды, что даже и не понял её, не заметил, мимо себя пропустил. После чего быстро переоделся в подсобке и вышел на улицу ему помогать, уже проверявшему кузов въезжавшей на Горбушку «Газели».

С шести до одиннадцати вечера у нас традиционно было самое горячее время в смысле въездов и выездов, самое напряжённое: машины с грузами следовали одна за другой – успевай только шлагбаум поднимать и проверять документы. Присесть – и то было некогда, или по нужде отойти освежиться. Не говоря уж про всё остальное. Но после одиннадцати грузовой поток заметно снижался, и можно было расслабиться и перевести дух, покурить спокойно на свежем воздухе, по душам потрепаться. Что мы с Валеркой и сделали с удовольствием, устав от вечерней нервозности и суеты.

И как только мы с ним присели на брёвнышке возле ворот и сигареты спичками запалили, я опять к напарнику с разговором пристал, что с прошлой смены не давал мне покоя.

– Валер, – как можно проще и ласковее обратился я тогда к нему, дымком пахучим затягиваясь. – Признаюсь: у меня из головы твой рассказ не выходит. Всё силюсь и никак не могу понять: почему ты, образованный коренной москвич, вдруг взял и два года назад из института в бега подался?... А теперь вот и вовсе из страны уезжать намылился, да ещё и с семьёй, женою и дочкой, что смахивает на эмиграцию, на побег. От кого, Валер?! Разъясни!!!... Помнится, после революции в Октябре Семнадцатого князья, графья и многие помещики-дворяне наши тоже сломя голову помчались в Европу, Китай, Америку ту же, спасаясь от расправы жидов-комиссаров из *ленинской гвардии*. И их, бедолаг, понять было можно; понять, посочувствовать и пожалеть. Здесь, в России, если б остались, их бы ждала неминуемая гибель как представителей прежнего правящего слоя – по законам революционного времени, классовой ненависти и борьбы. Поэтому-то они и бежали массово, спасая жизнь свою. И правильно делали, повторю, молодцы... А ты-то, ты от кого спасаешься, наострив лыжи?! тебя-то кто здесь в Москве достаёт?! Ты же не барин, не князь, не помещик. И классовой ненависти к тебе со стороны простого народа и в помине нет... Странно и чудно мне это, такое твоё поведение. Честное слово! Я б на твоём месте жил, не тужил, Бога б благодарил ежедневно, – имей я и половину, и четверть того, что ты на сегодняшний день имеешь, и от чего вдруг когти рвать решил, родную пуповину добровольно резать. Расскажи мне, Валер, уважь, открой тайну: чего тебе на месте-то не сидится? Ни в институте блажном, ни под крылом родительским? И на какие-такие кренделя заграничные ты нацелился свои теперешние столичные блага променять? Неужели же жизнь в Германии так соблазнительно хороша, и того стоит?... Ответь, будь другом, вра-

зуми и просвети меня, лапотника, Ванька владимирского. Меня, признаюсь, этот вопрос так растрогал и взволновал не на шутку, что уже пару дней хожу как шальной, не могу собраться и успокоиться...

Валерка, помнится, рассмеялся, услышав мой простодушный вопрос, да ещё и мою физиономию удивлённо-растерянную в лучах фонаря заметив.

– У вас, провинциалов, какой-то совершенно гипертрофированный взгляд на нашу московскую жизнь и самих москвичей, – сказал мне беззлобно и не кичась, густое облако дыма из рта выпуская. – Вы у себя во Владимире думаете, что тут в Москве – рай, и живут и работают тут у нас сплошь одни только ангелы-небожители.

– Никто так не думает, Валер, не надо утрировать и опошлять, – слегка обиделся я. – И не надо нас, провинциалов, за полных кретинов считать: это не правильно. Кретинов и идиотов, я подозреваю, и у вас в Москве много: они везде есть. Это уж как водится. Но только я думал, да и сейчас так думаю, уверен даже, что уж в науку-то, где ты подвизался, чудаков и бездарей не берут. По определению, что называется. Там просто обязан быть весь интеллектуальный цвет русской нации сосредоточен... Это же не наш стекольный завод, куда кто хочешь устроиться может и секреты мастерства постичь – было б желание. А в ваш оборонный НИИ чтобы попасть, как представляется, мозги и талант нужен, знания глубокие, к аналитическому труду способности. И многое ещё чего. Туда же не возьмут на работу всякого, как я понимаю.

– Не правильно понимаешь, Вить, в корне не верно, – опять снисходительно заулыбался Валерка. – В нашей советской науке, поверь, такие бездари и ничтожества отираются, не приведи Господь, которых ещё и на ваших стекольных заводах не скоро сыщешь. И знания и талант, как ты говоришь, тут ни при чём: они не имеют ровно никакого значения. Главное, чтобы была “мохнатая лапа” – этаким золотой ключик московский, что с лёгкостью открывает любые двери и любые “замки”.

– Да ладно тебе, Валер, плести-то, “пургой” столичной меня “заметать”! – не поверил я, на собеседника недовольно глядя. – Ты хочешь сказать, что и меня в ваш особо засекреченный институт взяли бы, наш гусь-хрустальный техникум художественного литья когда-то закончившего, – если б у меня, к примеру, “мохнатая лапа” была, как ты утверждаешь, связи?

– Взяли бы, точно тебе говорю, – уверенный ответ последовал. – И жил бы ты в нашем НИИ, как у царя за пазухой: весь в деньгах, в тепле и в почёте. Круче любого крутого учёного, одним словом, – академика или ещё кого! Мало ли их у нас в советское время было! Ходил бы в белом халате по этажам важно изо дня в день, чай с баранками попивал, молоденьких девочек на чердаках и в подсобках трахал, которые от скуки и от избытка сил тебе бы сами в штаны залезали; весною – особенно. И ни черта бы годами не делал, палец об палец не бил как представитель новой советской знати, элиты общества, космоса. И ещё бы зарплату за тот свой узаконенный “порожняк” получал, гарантированно имел бы свои 200-300 советских рубликов ежемесячно – на пропитание и сносную жизнь. Факт! У нас так большая часть сотрудников до сих пор подъедается – без образования и мозгов, без навыков маломальских. До пенсии, ни черта не делая, доживает, до седых волос... Да и на пенсию уходить не торопится – ждёт, пока вперёд ногами с предприятия вынесут, да ещё и похоронят за государственный счёт. Поди, плохо!

– ...Не верю, Валер! Уж извини, но не верю тебе! – твёрдо ответил я, подумав, не принимая душою сказанного совсем. – Преувеличиваешь, скорее всего, и на свой бывший институт клеветничать и наговариваешь, в котором тебя обидели, наверное, сильно, с зарплатой, с повышением обошли. Вот ты и бесишься, мстишь своим бывшим сослуживцам задним числом, гадости про них ходишь и всем рассказываешь. Нельзя так. Нехорошо. Не по-Божьему это.

– Не веришь – не надо. Хозяин – барин, – сухо отреагировал мой молодой напарник. – Ну и не приставай тогда больше ко мне с расспросами: “как” да “что”, да “зачем”? Живи спокойно

в своём счастливом неведении, наслаждайся жизнью в Москве, которая тебе джое сильно нравится...

В общем, всё и на этот раз кончилось неудачей и холодом в отношениях. Покурив, мы опять на ворота встали, прибывавшие машины принялись осматривать и пропускать, изредка перебрасываясь короткими репликами, что в основном службы касались, порядка на вверенном нам объекте. И так – ночь напролёт, пока в 8 утра не пришли сменщики.

Расстались мы с Валеркой и во вторую по счёту смену сухо и неприязненно: напарник мой недоволен был, что я против него восстал и рассказу его не поверил. Категорически...

3

А я и следующие два дня не переставая про Валерку думал – про то, главным образом, что он мне про свой институт вскользь поведал, завесу тайны нехотя приоткрыл, оголил, так сказать, малюсенькую подводную часть огромного «научного айсберга», чем меня заинтриговал максимально. Всё это было так дико и несуразно в моём понимании, его про славную советскую науку ядовито-насмешливые слова, в которой Бог знает кто оттирается, якобы шваль и рвань разная, проныры, сродственники и блатота, – что не хотелось в них, слова его, верить. Ни грамма... Поверить в это – значило бы прежних радужных идеалов себя лишить, убить на корню любовь к Родине, новой России, веру в её очередное интеллектуальное и научно-производственное возрождение и могущество, которые, как думалось мне, не за горами. Не взирая даже на весь тотальный горбачёвско-ельцинский бардак, смрад и разложение... Вот отдохнём чуток, думалось, оглядимся, торгово-рыночным дурман стряхнём – и за ум опять возьмёмся, за работу великую, созидательную. Очередные грандиозные планы только наметим – и вперёд, к вершинам Гордого Мирового Духа. Так ведь всегда в нашей *Русской Истории* было. Так будет и на этот раз: хотелось в это верить... А мой молодой учёный напарник меня к обратному призывал – ни во что не верить и не надеяться, не строить иллюзий! И из страны без оглядки бежать. На что пойти я никак не мог: этому всё моё естество противилось...

Поэтому-то и в третью нашу совместную смену я перед Валеркой сразу же начал крутиться ужом, во всём ему потакать, где-то и лебезить, уступать, соглашаться. Несмотря на то даже, что был его на семь лет старше и работал на Горбушке на полгода больше по времени, был в смене главным по приказу начальства; то есть мои команды и требования напарник обязан был исполнять. Я очень старался тем самым растопить в его сердце возникшую к себе неприязнь, грозившую перейти в отчуждённость.

Часам к девяти вечера мне это удалось вполне – восстановить добросердечные отношения. И сели на перекур мы с напарником если и не друзьями, то приятелями.

Помнится, в преддверие серьёзного разговора я даже анекдот ему рассказал про Чапаева с Петькой – для затравки, что называется, и полного душевного раскрепощения. Потом аккуратно так на его институт перешёл и советскую науку в целом, которая не выходила из головы и целую неделю мне спокойно жить и спать не давала.

– Валер, – сказал я ему как можно приветливее. – Не дуйся ты на меня, лапотника деревенского, не злись. Я столичному этикету вашему и политесам там разным не обучен, культуре речи: чего думаю – то и говорю, сплеча рублю правду-матку. И это многим не нравится, такое моё мужланство природное и неотёсанность. Люди частенько обижаются на меня за прямоту и длинный язык. Даже соседи и родственники отворачиваются порой, стороной обходят – в знак презрения... Особенно тут, в Москве, это сильно заметно и здорово мне вредит, где люди чинные и благородные сплошь проживают, нервные, гордые и высокомерные, не терпящие от нас, работаг заезжих, колких взглядов и слов, ничего нам совсем не прощающие. Я же это вижу, изо дня в день наблюдаю повсюду – не круглый ещё дурак. И страдаю от этого. Честное слово! Не вру! Стараюсь держать себя в рамках... Ты вот в прошлую смену, как я заметил, тоже обиделся и насупился, отошёл от меня, внутренне отдалился. Хотя ничего такого особенного я вроде бы и не сказал, чтобы сознательно тебя уколоть или, тем паче, обидеть. У меня и в мыслях такого не было. Даже и близко!... Я просто понять и поверить никак не могу, что в науке у нас такое возможно в принципе, на что ты мне с ухмылкой намекаешь. Что там-де больше половины сотрудников в белых халатах ходят – и годами не делают ни черта, палец об палец не бьют; только штаны протирают и стаж зарабатывают трудовой; да ещё девок молодых

портят-трахают. Но зарплату регулярную получают якобы за своё безделье и непрофессионализм. Как такое вообще-то возможно?! Как?! Ума не приложу!...

– Я ведь когда по телевизору фильмы смотрю – и художественные, и научно-познавательные, – как наши советские учёные, разные там академики, профессора и конструктора самозабвенно сидят и трудятся за письменными столами или чертёжными досками в ваших столичных КБ и НИИ, какие красивые и возвышенные лица при этом у них, одухотворённые и волевые, когда они очередное изобретение “выдают на гора”, которого мир не видел, – так у меня от этого прямо-таки дух захватывает и голова трещит и кругом идёт как после запоя недельного. Во-о-о! – думаю, – есть у нас в стране мужики головастые и пробивные, и образованные по самую “крышу”, грамотные, которые к 30-40 годам все науки познали и превзошли, и вон чего вытворяют. Молодцы да и только! – думаю. – Молодцы! Не то что мы, провинциалы дикие и невежественные, которые кроме как самогонку вёдрами жрать да матюкаться по чёрному, да баб своих колотить под горячую руку ничегошеньки не знаем и не умеем. Стыдоба!... И тут ты мне вдруг рассказываешь такое! – прямо противоположное и абсолютно дикое, глумливое и несуразное!... Как мне не сомневаться-то, Валер, пойми, как не протестовать и не ерепениться?!...

– По телевизору у нас много чего показывают, – улыбнулся Валерка, скривившись. – Если всему верить – дураком точно станешь: ведь телевиденье на дураков-простаков и рассчитано в основном, чтобы людей зомбировать и дурить, водить за нос... У нас, по телевиденью если судить, и в милиции одни ангелы только работают, и в больницах, и в министерствах тех же, в школах и институтах. А когда ты с этими “ангелами” в жизни сталкиваешься лицом к лицу и видишь, какие они на деле гниды двуличные и продажные через одного – волосы дыбом встают и жить дальше не хочется... На нашей лестничной клетке, кстати, в квартире напротив, – подумав, выдавил из себя Валерка, – врач 45-летний живёт с женой и сыном. Они недавно к нам переехали, но познакомились с соседями быстро из-за его супруги Татьяны. Она у него болтушка, каких поискать, – от неё, заразы такой, не отстанешь. Часами может на лестничной клетке или у подъезда стоять и трепаться без остановки... Так вот врач этот, хирург по профессии, кандидат наук, между прочим, своего сына единственного Сашку категорически отговаривает врачом становиться. Ну просто категорически! Его Сашка школу заканчивает через год, думает-гадает, куда учиться идти, какую профессию получать на будущее. Вот мамаша его нам, соседям, все уши и прожужжала. Жалуется, что отец парнишку каждый день по вечерам пилит, житья не даёт: иди, науськивает, куда угодно, сынок, хоть в те же бухгалтера – только не в грёбаную медицину. Там, клянётся, такие под-ковёрные битвы кипят чуть ли не каждый день во всех отделениях, такие склоки вселенские, – что не приведи Господи туда попадать, откуда живым и здоровым не выберешься!...

– Так-то вот, Витёк! Такая она в действительности наша советская медицина, как про неё знающие люди рассказывают, которые в той врачебной каше варятся каждый день и лекарское дело не понаслышке знают, не из кино... Пореже телевизор смотри, дружок, поменьше наших теле-болтунов слушай, рот разевай на их сказки дешёвые и заказные. Тогда и жить легче будет: не придётся обманываться, обжигаться на каждом шагу, и в людях разочаровываться...

Признаюсь: всё, что, смеясь, поведал мне мой молодой напарник, было для меня открытием. Я долго не мог от услышанного отойти, переварить Валеркин рассказ в голове разболевшейся... И только минут через пять, успокоившись, спросил тихо:

– И что, ты хочешь сказать, что и в науке у нас такой же бардак творится, как у этого твоего соседа в больнице?

– Такой же! Точно такой же! Если не хуже... Хотя бы потому уже, что в больницах, худо ли, бедно ли, но надо с больными возиться, ежедневно общаться с ними, лечить. Плохо ли, хорошо ли, опять-таки, – не важно. Это уже другой вопрос. Но – надо. От этого там никуда не денешься, не спрячешься в ординаторской или ещё где... А в институтах научно-исследо-

вательских нет ничего, что могло бы сотрудникам размеренную праздную жизнь испортить, от спячки их пробудить. И для бездарей и бездельников это – Клондайк, лучше которого им трудно что-либо придумать...

В этот момент у ворот остановилась «Газель», и нам пришлось подниматься и запускать её, осматривать кузов, проверять документы у водителя, накладные. Не успели её впустить, как подкатила другая; следом же – третья. Стало не до бесед по душам – надо было работать.

И только часа через два, когда опять чуть-чуть успокоилось на наших воротах, я обратился к напарнику с просьбой рассказать мне – коротко, разумеется, в общих чертах, – про его работу и институт, что мне, мужику сиволапому, деревенскому, было до ужаса интересно узнать и услышать. Тем более – из первых уст. От кого бы я мог ещё, и когда, услышать правду про советскую разрекламированную науку. У нас на Горбушке учёных людей невозможно было днём с огнём отыскать. Мой напарник был первым в этом ряду. И, скорее всего, последним...

Валерка, однако же, наотрез отказался про институт рассказывать: заявил сразу же, что это и очень долго всё, нудно и не интересно. Ему, во всяком случае. Не интересно постылую прошлую жизнь вспоминать, бередить тягостными воспоминаниями душу... Да и не поверю, мол, я, ежели он мне всю голую правду начнёт выдавать, что там у них на работе творилось, обзову его сказочником и трепачом. А ему это и даром не надо – насмешки мои терпеть с недоверием, и всё остальное... Даже добавил в конце, что, дескать, лучше уж пусть я, святая простота, и дальше в счастливом неведении живу – верю, что у нас в стране, в науке в частности, всё гладко и правильно обстоит, что там действительно одни только пламенные гении-самородки и трудятся, и иных там нету. *«Преумножая познания, Витёк, – ухмыльнулся он многозначительно, – мы преумножаем скорбь. Запомни эту прописную истину»*...

4

Но я был малым упорным, несколько смен к нему приставал: Расскажи, упрасивал, да Расскажи, сделай милость. Комплементами на него так и сыпал, как Дед Мороз подарками на Новый год; даже профессором его несколько раз как бы в шутку назвал, а себя самого – дубиною стоеросовой. Ну, чтобы, значит, волю его сломить к сопротивлению, сделать как воск податливым.

Однако и Валерка был тот ещё гусь: на мои хитрости и уловки не реагировал, не поддавался; лишь ядовито подхихикивал всю дорогу и понимающе головою тряс, обзывал *пескарём премудрым*... И только когда мы с ним однажды схабарили: водителя одного на пару пузырей «Смирновской» раскрутили за левый груз, который он на территорию без накладных провести попытался, – вот тут-то я напарника и разговорил, после того как мы с ним в два часа ночи трапезничать в будке засели и до утра пьянствовали, водкой усталость снимали, развязывали языки.

У нас с двух до пяти утра на воротах жизнь полностью замирала. Вечерние рейсы заканчивались, как правило, а утренние ещё не начинались: торгаши, хозяева киосков, только с пяти утра машины с грузами начинали к нам пригонять. Эти-то ночные часы для нас, охранников, самыми что ни наесть райскими и выходили: тишина и покой устанавливались как в лесу, никого вокруг не было, и никто, соответственно, не дёргал, не напрягал. Можно было расслабиться и немного поспать в будке, если кто сильно устал; а можно было и просто по территории торгового центра променады устроить, развеяться, о своём походить-подумать, то да сё. Или же к метро «Багратионовская» смотаться – сигарет там купить, пива с чипсами или воблой. Три часа на отдых – это достаточно, чтобы в порядок себя привести после утомительной беготни вечерней...

Ну вот. Закрылись мы, значит, с Валеркой в будке, с удовольствием откупорили первую бутылочку беленькой, что нам деляга-шофёр презентовал, бутерброды достали из холодильника и начали не спеша пить и закусывать, сигареты дружно смолить, о пустяках трепаться. Короче, почти как в забегаловке какой-нибудь привокзальной культурно так отдыхать-расслабляться, набираться сил. Официантов только нам не хватало и музыки. И мясистых баб...

И выяснилось довольно быстро, что пить-то напарник мой не умеет – совсем, – потому что от природы слабеньким был и тщедушным. После первых же двух стаканов его на сторону повело, и он сделался весёлым и добрым, мягким как пластилин, а главное – словоохотливым, каким по трезвянке не был. Трезвым-то он всё старался фасонить на людях, важным кренделем себя держать, образованным индюком столичным. А тут вдруг размяк и расслабился парень, расклюнявился, “защитную маску” снял – и совершенно другим предстал человеком: начал пошло и плоско шутить, балагурить, смеяться как дурачок по любому поводу, анекдоты один за другим травить, большинство из которых я знал, но ему про то не гу-гу: зачем, думаю, расстраивать юмориста, настроение портить...

И вот когда он совсем окосел на середине второй бутылки, я к нему ужом и подлез. «Расскажи, – опять его попросил, – напарник мой дорогой, почему ты из института-то своего сбежал, не пойму? чего тебя там не устраивало-то, не сиделось?»

– Всё! – резко, не думая, ответил пьяный Валерка, злобой перекосившийся, – всё не устраивало! Однозначно! И коллектив наш гнилой и гавённый, и сама работа, где наукою и не пахло, где пошлая клоунада одна процветала, цирк повседневный наподобие шапито.

– Надо же! – опять удивился я, на которого дармовая «Смирновская» не так сильно действовала, который к водке привычный был, ещё с завода владимирского. – Чем же это можно

было так достать на работе, что тебя даже и пьяного всего трясёт? Расскажи, Валер, уважь, не вредничай. Мне, провинциалу и неучу, повторюсь, это узнать будет до ужаса интересно. С тех самых пор, как ты сюда к нам устроился, я про тебя и твою судьбу только хожу и, не переставая, думаю...

– Хорошо, расскажу, уважу тебя, Витёк, – наконец согласился напарник, слюни с губ вытирая, что обильно у него изо рта текли как у ребёнка малого. – Только слушай – и не перебивай, и ничему не удивляйся, главное. И смотри ещё, чтобы уши твои не завяли.

– Не завянут, не завянут, не бойся: они у меня ко всяким байкам привычные. Давай, рассказывай, не тани. А потом мы с тобой остаток водки допьём и пойдём на улицу, проветримся – чтобы начальству нашему утром глаза не мозолить пьяным видом своим, которого тут не терпят. Тебе-то начальство ничего не сделает: ты – москвич, и так отсюда скоро уволишься. А мне тут ещё предстоит работать, охранную лямку тянуть. И пьяницей и мздоимцем тут себя выставлять мне без надобности... Ну ладно, давай рассказывай про свой обалденный НИИ. Только всё сначала и по порядку, чтобы я лучше понял, откуда “уши растут”; а не так как в прошлые разы, одними намёками и полунамёками...

– Если сначала – то надо в мой учебный институт возвращаться, в МИРЭА, который я в 1985 году закончил; но уже в начале пятого курса, осенью 1984 года, начал думать-прикидывать, куда мне работать идти после получения диплома. Мест-то блатных и денежных ещё походить-поискать надо было: они на дорожке просто так не валяются, не мозолят глаза – сам, поди, понимаешь. На распределении, как мне приятели говорили, тоже ничего хорошего не предложат, мол. Там – мусор и отстой один, низкооплачиваемый и второсортный. Престижных мест на распределении в принципе не бывает: их по знакомству нормальные люди для себя готовят, через родственников и связи... А у меня, Витёк, родственников крутых не было никогда. Родители мои – обыкновенные работяги, столичный плебс, честно тебе скажу, на заводе Хруничева всю жизнь “пашут”, что через дорогу от нас расположен, на чётной стороне Ново-заводской улицы. Отец – слесарем-сборщиком там работает уже почти 40 лет почти, мать – в отделе пропусков табельщицей. Какие у них знакомые? какой блат? откуда?... Так что плохи были мои дела, дружище; пришлось бы мне на завод имени Хруничева идти, каким-нибудь сменным мастером, и всю жизнь на конвейере там стоять, слесарей-сборщиков контролировать...

– Но мне повезло тогда, здорово повезло, чего уж скрывать, – переведя дух и высморкавшись, продолжил напарник дальше свой неторопливый рассказ. – Потому что у нас в доме мужик проживает, Петрушин Виктор Владиленович, одноклассник моего отца, у которого свои «Жигули» имеются, и отец помогает ему их ремонтировать. Почти каждое воскресенье они оба возле этой его машины крутятся; ну а потом, естественно, выпивают: Виктор Владиленович хмелит папаню, благодарит за помощь и всё такое. Обычное, короче, дело, соседское и мужское – работу внеурочную обмывать... А этот мужик, Петрушин, как выяснилось из разговоров, в крутом космическом институте работал уже лет тридцать – начальником сектора; институте, что после войны академик Кузнецов основал, соратник и сподвижник королёвский, про которого я тебе вкратце уже рассказывал. Ты вообще-то про него, про Кузнецова, что-нибудь слышал когда, знаешь?

– Да нет. Откуда! – виновато улыбнулся я. – Какое отношение наш стекольный завод имеет к космосу?

– Ну-да. Понятно, – согласно кивнул головой Валерка. – Откуда вам во Владимире про академика Кузнецова знать... Виктор Иванович Кузнецов, запоминай, Витёк, входил в *шестёрку* Главных конструкторов, в ближайшее окружение Королёва; входил в круг людей, то есть, кто и поднял на своих могучих плечах машину под названием «советский космос». Каждый из этой могучей *шестёрки* отвечал за конкретный участок работы, создал под этот участок институт соответствующего профиля, а то и вовсе целое научно-производственное объ-

единение – НПО так называемые. И эти их конторы научно-исследовательские в Москве до сих пор высоко котируются, считаются элитными и престижными, до сих пор... А про советские достопочтенные времена и говорить не приходится. При коммунистах там были самые высокие заработки из всех столичных НИИ и самая лучшая социальная поддержка сотрудников – ясли и детсады, пионерские лагеря и санатории, собственные поликлиники и медсанчасти даже. Где ещё такое можно было найти, скажи? Прямо-таки крохотные государства в государстве... Поэтому-то и попасть туда было очень и очень сложно во все времена: только по великому благу народ туда попадал, по протекции.

– Вот и я туда по протекции чудом попал, через соседа Петрушина, который, по просьбе отца, на своё руководство вышел и за меня словечко замолвил: что так, мол, и так, есть у него на примете, мол, паренёк знакомый, будущий молодой специалист, которого пристроить нужно, хорошему человеку помочь. Ну и всё остальное, и прочая бодяга словесная, разговорная муть. Дело это известное: кумовством называется, блатом, без которого – никуда, без которого всё вокруг встанет. Ибо вся жизнь человеческая, Витёк, на отношениях строится, и крепко держится потом на них. Правильно я говорю? Согласен?

Я утвердительно кивнул головой, и напарник продолжил далее:

– В общем, зам-директор НИИ по кадрам всё понял правильно и пошёл навстречу заслуженному сотруднику – написал письмо в МИРЭА с просьбой направить к ним на работу такого-то и такого-то выпускника, меня то есть. Да ещё не куда-нибудь, а в самый престижный отдел, теоретический, где по сути весь цвет нашего института работал, так называемые “головастики”.

–...А про *гироскопы* ты что-нибудь слышал? – вдруг обратился ко мне Валерка, мутные глаза на меня скосив. – Что это за хрень такая?

– Да нет, конечно же, – опять виновато ответил я, чувствуя свою патологическую ущербность и необразованность, стыдясь её.

– Да ладно тебе, Вить, не переживай, не дёргайся и не смущайся как девочка перед первым сексом. Сейчас расскажу и это. Я сегодня выпивши. И здорово. А когда я пьяный, я ужасно болтливым становлюсь – как баба. Мне родители из-за этого всегда советуют много не пить в компаниях, чтобы не наговорить лишнего, гадостей кому-нибудь по дурости не наболтать, от которых потом не отмоешься... Но это так – к слову, в качестве моего к тебе предупреждения. На всякий пожарный, как говорится, чтобы не обижался потом... А *гироскопы*, или *трёхосные гиростабилизаторы*, или – «*платформы*», как мы, инженера, их между собой называем, – это главная часть любого летательного аппарата – ракеты ли, космического корабля, межпланетной станции – *неподвижная* её часть, что существенно, *инерциальная*, относительно которой космический аппарат стабилизируется и совершает в полёте пространственные манёвры. Это – если в двух-трёх словах... А для того, чтобы ты лучше всё это понял, приведу классический пример, какой обычно студентам технических вузов рассказывают профессора на первых курсах, который и мне когда-то мои педагоги рассказывали на лекциях по *автоматизированным системам управления*, сокращённо – АСУ. Итак, представь, что едешь ты на автомобиле, допустим; ты – шофёр. И ты крутишь баранку вправо и влево в зависимости от дороги, которую ты видишь и авто поэтому управляешь зряче. Не будешь крутить – разобьёшься, и машину свою разобьёшь.хлопот потом не оберёшься. Так ведь?!... А теперь подумай и ответь: в космосе-то ракете или межпланетному космическому кораблю относительно чего разворачиваться по *крену* и *тангажу*; вверх и вниз, то есть, вправо и влево? Там, высоко-высоко над землёй, в околоземном пространстве, дорог и разметок нету, ограждений, бордюров и указателей, верстовых столбов. Как и гаишников, которые правильный путь, на худой конец, подсказать могут своим “волшебным” жезлом... А до цели долететь надо. Как быть? Относительно чего ориентироваться, выбирать траекторию и оптимальный маршрут?...

– Вот для этого-то учёные и придумали *гироплатформу*, неподвижную часть любой ракеты, космического корабля или станции, повторяюсь, на которой расположены три мощные

взаимно-перпендикулярные *гироблока* и которую выставляют в определённое положение ещё на земле. Выставят, и потом на *пред'старте* раскручивают *гироблоки*, придают им вращательное движение, мощный вращательный момент – как у детской игрушки **юлы**, вспомни: точно такой же принцип. И они, непрерывно крутящиеся под воздействием электромагнитных полей, по законам физики, механики – в данном случае, позволяют выдерживать неизменное пространственное положение *платформы* в течение всего полёта, подвешенной, соответственно, на трёх свободно-вращающихся рамках, вложенных одна в другую, оси которых направлены по вращению, тангажу и крену, то есть взаимно-перпендикулярны друг другу. Что, в свою очередь, позволяет платформе быть полностью независимой от пространственного расположения объекта, на котором она стоит. Важнейший принцип изобретения – автономность и независимость от самого носителя – важнейший!!!... А космический аппарат вращается, ориентируется и стабилизируется уже относительно неё – находящейся внутри неподвижной инерциальной гиро-платформы, – по заложенной в его бортовой компьютер программе выбирает нужное направление и маршрут и успешно долетает до цели. Просто всё – не правда ли?! Как и всё гениальное.

– Так вот разработкой и изготовлением таких *инерциальных систем* и занимался после войны королевский соратник и друг Виктор Иванович Кузнецов. На всех советских летательных объектах – на всех, без исключения! – стояли и стоят до сих пор изделия его института, знаменитые *кузнецовские гироскопы-платформы*, без которых не один корабль не взлетит, не одна ракета – потому что будут слепыми и неуправляемыми, без ориентира, который как компас указывает им путь, к цели с гарантией выводит...

5

– Я когда в его институт-то попал, – отдышавшись, принялся дальше мой учёный напарник меня, неучёного, наставлять, вводить в курс, так сказать, организации и устройства нашей бывшей советской ракетно-космической отрасли, в которой я, владимирский работяга с молодых лет, ни черта не петрил, естественно, не понимал, и рассказы про которую из первых уст были мне до ужаса интересны и поучительны, – так вот, я таким счастливым и гордым первые дни по Москве ходил – не передать. С гордостью всем рассказывал, в каком крутом месте я, простолюдин, сам того не ведая, очутился; какие немыслимые *получки* приношу домой; какими секретными темами занимаюсь, летательными приборами. И длился тот мой щенячий восторг с полгода, наверное. Может – чуть больше, не помню уже. До той поры, по крайней мере, пока я, освоившись и оглядевшись на новом месте, к ужасу своему ни стал сознавать, что мы, молодые сотрудники-специалисты, в своём институте хвалёном никому не нужны, совершенно; что старички-старожилы на нас как на дурачков малахольных смотрят. И это – в лучшем случае... А в худшем – как на конкурентов потенциальных, соперников-толкачей, охотников за “жирными пирогами”, что постоянно крутятся рядом и назойливо “толкают в бока и спины” – мешают им спокойно жить и дышать, сидеть на “тёпленьком месте”, “обильно рубить бабло” и при этом ни черта не делать.

– Как это “ни черта не делать”? – удивился я. – Не понял! А кто же тогда советские ракеты и космические корабли каждый год запускал, спутники?

– Рабочие запускали и запускают, Витёк, дорогой, которые те ракеты делают на заводах; военные, которые годами на полигонах торчат и следят за порядком на космодромах, за дисциплиной; ну и за самими полётами, главное, их качеством, оптимальным рабочим режимом и траекториями. А сотрудники институтов наших, учёные-разработчики так называемые, в это время сидят в столице и от скуки в носках ковыряются, книжки читают, чаи с бутербродами пьют да жирные пенки снимают с тех успешных пусков в виде огромных премий и надбавок. Однако же к самим пускам они давным-давно уже имеют самое отдалённое касательство, самое второстепенное.

– Как это? – пуще прежнего удивился я. – Учёные-изобретатели, разработчики – и “самое отдалённое касательство”, “самое второстепенное”, – как ты говоришь. Что-то не совсем понятны мне твои слова, Валер.

– А чего тут не понятно-то?! чего?! – высокомерно усмехнулся напарник, на меня снисходительно посмотрев. – Платформы, за которые наш институт отвечает, не изобретаются каждый день, пойми. И даже и каждый год не изобретают. Любое гениальное изобретение: и гиросtabilизационные платформы здесь не исключение, – это товар штучный и редкий. Их когда-то после войны академик Кузнецов с товарищами придумал и сконструировал – ну-у-у те, которые сейчас на наших ракетах стоят, – так эти его изделия с тех легендарных пор особенно-то и не изменились, принципиально остались теми же. Улучшается качество их гироблоков, да! датчиков углов и угловых скоростей. Но это всё – мелочёвка, “вишенки на торте”, как в таких случаях говорят в наших псевдо-научных конторах. Сама же платформа, силовая и конструктивная её часть остаётся прежней, незыблемой и первозданной: принципиально в ней не меняется ничего, как и в велосипеде том же... И старики, которые в наших институтах сиднем сидят, соратники королёвские и кузнецовские, давным-давно уже ни черта не делают, не изобретают – на старых запасах живут, старых идеях и разработках, которые им Виктор Иванович в дар, в наследство оставил, низкий ему поклон. Их дело теперь – передавать накопленный опыт и знания, программы и чертежи подрастающим поколениям. Или, если перейти на метафоры, сиднем сидеть у костра и поддерживать тот огонь, который запалил своим гением славный наш академик. Чтобы от этого его “научно-космического огня” в перспективе – именно так – моло-

дѣжь загоралась святым научным горением, которая, может быть и когда-нибудь, придѣт к ним на смену. И только-то...

– Но пока старики-кузнецовцы здоровы и живы, молодѣжь им категорически не нужна – вот в чѣм проблема-то вся, в чѣм беда. Нас, молодѣжь, они и на пушечный выстрел к работе не подпускали, боясь подсидки и конкуренции, гноили и травили нас всеми возможными способами, про которые тошно, совестно говорить... Поэтому ты даже помыслить и представить себе не можешь, Вить, что в нашем элитарном космическом институте творилось, чем я, молодой специалист, все десять лет занимался, пока там инженером числился. Всем чем угодно, поверь, любой ерундой посторонней – но только не наукой, не космосом, не прямым инженерным делом. Всѣ лето, представляешь, мотался в колхозы подмосковные, подшефные, – “пахал” там разнорабочим на фермах и в поле вплоть до крушения СССР. А осенью, зимой и весной – на плодоовощных базах фрукты с овощами сортировал и перебирал, которых, баз то есть, было не счесть в Москве и Московской области, и которые мы, молодые столичные инженеры, в основном и обслуживали. И вместе со мной там “пахали”-ишачили подавляющее большинство московских молодых сотрудников – и наших, и не наших, всяких. Почитай – вся советская образованная молодѣжь, надежда и опора общества, как нам по телевизору в новостях байки красочные рассказывали товарищи коммунисты, там прозябала и деградировала. Ужас!... А к этому ещё надо добавить участие в ДНД и ДПД, в спартакиадах и конкурсах, в комсомольских делах обязательных. Так что в институте у себя первое время я появлялся изредка, от случая к случаю, можно сказать, – чтобы там отдышаться перед очередной командировкой в колхоз или на базу, языком почесать с мужиками в курилках, почитать журналы с газетами, горячие новости обсудить, получить причитающуюся зарплату и премии. И потом умотать на какое-нибудь очередное общественно-полезное мероприятие, которые с нетерпением меня поджидали, прямо-таки в очередь ко мне выстраивались, помнится, как погорельцы... или же знаменитые “ленинские ходоки”. Ну и какая научно-исследовательская работа при таком-то напряжённом графике и образе жизни, даже если б она и была?! Да начальство к нам, молодым спецам, первые три года и не подходило, месяцами не видело нас, забывало начисто про наше существование! Представляешь?!

– Да! Интересная, Валер, у тебя была служба, – недоверчиво улыбнулся я. – Прямо-таки и не верится даже, что в принципе такое возможно. Да ещё и в правительственной Москве, где беспорядков и бардака по определению быть не может, или не должно было быть – рядом с Центральной-то властью. Так нам в деревне кажется, по крайней мере. Мы у себя в глубинке в это свято верим все.

– Да конечно не верится! Ещё бы! Я хорошо понимаю вас! Я тоже бы не поверил, если б своими глазами изнанку научную не увидел, собственноручно б не поварился в нашей звёздно-космической каше, будь она трижды неладна, мерзость этакая.

– ...Круто ты про свою работу бывшую, очень круто! Достала, видать, тебя крепко! И что, действительно вся молодѣжь там у вас только и делала, что по колхозам и базам годами моталась? А по возвращении баклуши била и по чердакам бегала, от скуки крутила любовь? ... Или же ты преувеличиваешь многократно? меня, провинциала, стращаешь! Непонятно, правда, – зачем.

– Не преувеличиваю, Вить, не преувеличивая, клянусь! Зачем мне тебя страшать-то, подумай?! смысл-то какой?! – горячо затараторил Валерка, за живое задетый моим к его словам недоверием. – Колхозы, если хочешь знать, были главным, но не единственным бичом нашего славного некогда предприятия, доведшим его до ручки, до крайней черты. У нас в институте во второй половине 80-х годов, когда Горбачѣв, если помнишь, у власти встал и провозгласил свою знаменитую *перестройку*, у нас тогда целые “клубы по интересам” образовываться стали один за другим; или “мафии”, как их сотрудники-острословы в шутку между собой прозвали. “Мафия колхозная”, “мафия пионер-лагерная”, “мафия торгово-закупочная”

и “книжная”; а ещё – “партийная”, “комсомольская”, “профсоюзная” – всех и не перечислишь и не упомнишь, запутаешься в названиях. И эти “мафии” так называемые стали делить единый некогда научно-производственный организм на многие-многие части, в некое подобие СНГ его превращать задолго до Беловежской пуши, отвлекать молодёжь от праздности... но и от работы тоже... Представляешь, что происходило у нас, какой неслыханный бардак творился. Наш сверхсекретный некогда институт стремительно и неоправданно разрастался и делился на части, каждая из которых жила уже собственной жизнью как бы, далёкой от жизни целого. Но хуже, но печальнее всего было то, что эти самопроизвольные части, не принося пользы, от целого-то не отделялись, а продолжали сосать его изнутри как клещи, доводя институт до банкротства, развала и гибели... Я ежедневно в течение десятка лет был и очевидцем и свидетелем того, как вырождался и погибал наш кузнецовский НИИ – и от бездарности руководителей СССР, и от безволия и никчёмности собственных своих начальников...

6

– Ну что, паря, не надоело ещё слушать мои околонуточные байки? Интересны они тебе? Или пора заканчивать и водку оставшуюся допивать, пока она не прокисла? – остановившись и прокашлявшись в руку, поднял на меня глаза мой охрипший напарник, пытаясь в густом табачном дыму разглядеть моё настроение.

– Не надоело, не надоело, Валер, клянусь! – тут же выпалил я. – И слушать мне тебя до ужаса интересно и познавательно! Особенно, про эти твои “мафии” поподробнее хотелось бы ещё узнать: что это за чертовщина такая! С ДНД и овощными базами-то мне всё более-менее ясно.

– Ну-у-у, тогда слушай и запоминай, коли так, коли такой любознательный, – усевшись поудобнее на табуретке, с ухмылкой самодовольной принялся Валерка дальше меня просвещать, видя во мне самого благодарного собеседника. – Сперва поясню тебе на примере “колхозной мафии” степень гниения и разложения нашего института. Мне это будет проще сделать: колхозные воспоминания и поныне остры и свежи, саднят душу. А потом и про все остальные “мафии” коротко расскажу, времени у нас много... Так вот, тут всё просто, Витёк, на самом-то деле, – по-детски улыбнулся Валерка, густо дым из себя выпуская, – если принять во внимание тот общеизвестный факт, что к началу 1980-х годов в большинстве советских колхозов, и в подмосковных в частности, уже некому стало работать, урожай собирать и складировать, сбегать его и государству потом продавать. Молодёжь оттуда бежала быстрее ветра на предприятия в города, а одиноким родителям их в одиночку тащить воз колхозный становилось уже не под силу. Посадить-то картошку ту же, свёклу или овощи стареющие колхозники ещё как-то могли, а вот пропалывать и удобрять, плоды пожинать ближе к осени сил у них уже не хватало. Ты же ведь из провинции, Вить: получше меня, поди, знаешь все эти беды колхозно-совхозные, из-за которых Советский Союз и рухнул по сути. Так ведь? Из-за отсутствия в магазинах необходимой жратвы и диких очередей за продуктами питания. Чего мне тебе прописные истины-то говорить, мужику владимирскому, деревенскому!

– Итак, колхозы наши дышали на ладан. Стремительно сокращались и вымирали колхозники. И что было делать властям? как спасать положение на селе, выполнять продовольственную программу?... Вот ушлые коммунисты в Кремле, задолго до Горбачёва ещё, и придумали прикреплять каждый такой горе-колхоз к какому-нибудь столичному институту. Молодые сотрудники которого были просто обязаны, именно так, летом колхозы подшефные посещать и приобщаться там к нелёгкому крестьянскому делу, помогать колхозникам решать продовольственную программу страны, посылить лепту в неё вносить, весомую и регулярную... Но для того, чтобы парни и девушки приезжали и плодотворно трудились в деревне несколько летних недель, им, естественно, надо было создать там условия. Для чего в институтах заранее кадровиками и профсоюзами сколачивались бригады из добровольцев во главе с каким-нибудь ловкачом-прохиндеем, оборотнем в белом халате, неучем, бездарем и бездельником как правило, любителем лёгкой наживы, от которого на работе в Москве не было никакого толка, но на которого почему-то рассчитывали, что уж в деревне-то от него будет толк: ведь на что-то же он да годен. Да и сам он, этот ловкач-прохиндей, всех старался уверить, прямо-таки клялся-божился перед начальством: только доверьте, мол, только пошлите – не прогадаете; наизнанку вывернусь – но не подведу, мамой клянусь; помочь престарелым колхозникам – это моё призвание, это, мол, дело святое... Начальство может и сомневалось в лицемерных заявлениях сих, да выбора-то у него всё равно не было. Хороших и честных на всё лето ведь не загонишь в колхоз: хорошие, честные, трудолюбивые парни от этого *левого дела* как черти от ладана обычно шарахались, ездили туда из-под палки и со скандалом...

– И вот бригада добровольцев-помощников в полном составе уже в апреле месяце начала готовиться к отъезду, бегать по бухгалтериям и руководству, по кладовщикам – запасть деньгами, вещами, инструкциями и всем тем, что будет необходимо в деревне. Во второй половине мая они уезжали туда квартирьерами и обустроивали отведенную под общежитие школу или же старый клуб: кровати туда таскали со склада, матрацы, постельное бельё, лопаты с граблями и тяпками – всё то, что требовалось, одним словом, что выделял колхоз в их полное распоряжение. Потом они на прикреплённой колхозной машине мотались за продуктами по магазинам, возили продукты в столовую, складировали, отвечали за них, снабжали продуктами поваров, прикреплённых баб деревенских.

– А когда всё было готово, они звонили в назначенный час в Москву, прося присылать работников, которых они регулярно встречали и расселяли, командовали которыми, направляли в столовую и на работу в поле. В общем, превращались на последующие четыре страданные месяца в этих колхозных начальников-корольков, которые жили как у себя на даче всё лето и половину осени, были, что называется, при еде, при питье и не в обиде. Да и какая обида? за что? – когда казённых денег у них без счёта было, за которые они лишь формально отчитывались осенью в Москве липовыми ведомостями; в холодильниках – горы еды, под койками – ящики с водкой. Да ещё и куча молоденьких девочек-инженеров под боком, сменявших одна другую в течение всего лета, в колхозной общаге скучавших без дела по вечерам. Красота! Только успевай выбирай любую, и потом пускай слюни и всё остальное, что внутри кипело и мешало жить... Они и пускали, не церемонились и не ленились, шакалы, умело совращали соплюшек зелёных, доверчивых, склоняли к пьянкам ежевечерним, к сожительству и разврату. И спрятаться от них было сложно, циничных и бессовестных прилипал. У девчонок, что в лапы к ним попадали по слабости и по дурости, шансов чистыми и непорочными выбраться обычно не было. Всё они там этим похотливым пошлякам оставляли до капли – девственность, чистоту, кошельки...

– Зато бригадир и компания были на седьмом небе от счастья, от сладкой и привольной жизни такой. Всё лето и осень никакого надзора и дисциплины, никакой тебе проходной. Единственный начальник – инструктор столичного горкома партии, тихий и неприметный мужичонка предпенсионного возраста, неграмотный и потому некичливый. Он учёных инженеров сильно побаивался, не вмешивался в их дела и всё лето только и делал, что валялся на койке в своей пропахшей табаком комнатухе, беспробудно спал – потому что не просыхал от водки. Так что де-юре начальник на сельхоз-работах был, а фактически его там не было. Чем не рай для пьяниц, развратников и лежебок, к которому некоторые человекоподобные существа всю свою жизнь стремятся...

– Сами они, эти прожжённые мафиози, на полях не показывались, естественно, граблями и лопатами не махали, мешки с картошкой не ворочали, с удобрениями. Упаси Бог! Их делом было встретить командированных сослуживцев, разместить где положено, распорядок дня рассказать и обеспечить постельным бельём и инвентарём рабочим. Да ещё утром всех разбудить в назначенный час, накормить, посадить в полевой автобус и отправить к бригадирам-колхозникам, которые на сельхозугодиях всем заправляли. Отправил всех в поле, сам позавтракал поплотней в опустевшей столовой – и потом целый день отдыхай: ходи-посвистывай только, слушай птиц, дыши свежим воздухом. А вечером и всю ночь водку пей, развлекайся с девочками... Правда, за порядком в школе надо было следить, за трудовой дисциплиной. Но и тут им, засранцам, фартило, ибо дисциплину, помимо них самих, мало кто нарушал. Потому что мало кто мог сравниться с ними по количеству выпитого... Единственной их работой в колхозе, фактически, было бумагу каждому командированному под конец выдать о количестве трудодней – в институтскую бухгалтерию для отчёта. За которой, бумагой, ещё надо было побегать да перед ними, алкашами, поклоняться. Ведь дело-то касалось отгулов и премиальных, из-за чего даже и некоторые сотрудники-«старики», ведущие инженера со стажем, в колхоз на уборку

ездили. В общем, работа у этих ушлых парней была воистину райская. Всё лето в деревне баклуши бьёшь, сыт и пьян, нос в табаке; да ещё и сам себе голова, что главное. Чем тебе не пансионат или дом отдыха подмосковный!...

– Осенью, когда уборочная заканчивалась, они, эти колхозные мафиози во главе с бригадиром – толстым, потным, вонючим, хитрющим и злобным евреем по кличке “Партос”, у которого, как у хорошей бабы, задница была гораздо шире плеч, рыхлые дряблые ляжки и зенки прищуренные как у жулика, который по слухам пидаром был, – так вот эти отожравшиеся на вольных хлебах “хомячки” устраивали прощальный банкет с колхозным начальством на оставшиеся казённые деньги – не просто так остававшиеся, разумеется, с умыслом. Потом делили между собой и развозили по московским квартирам закупленные про запас продукты: тушёнку ящиками, сахар, картошку и крупы мешками, – прихватив для кучи лагерное новое постельное бельё, матрацы, подушки и одеяла. Всё это подпоенными колхозными кладовщиками безжалостно списывалось как утиль и уходило налево – продавалось, как правило, столичным соседям, родственникам и друзьям. После чего на колхозном же автобусе эти “герои-целинники” с шиком возвращались в Москву – их “благотворительная трудовая” миссия на этом заканчивалась...

– В Москве они оформляли себе отпуска и отгулы аж до Нового года за летнюю переработку, получали в кассе огромные деньги – скопившиеся многомесячные зарплаты и премиальные, – после чего начинали опять гулять. Теперь уже дома, в столице... В институте появлялись после новогодних праздников, где про них почти уже забывали. Несколько месяцев на предприятии проболтаются, языком в курилках почешут, анекдоты потравят между собой – и потом опять к колхозу готовиться начинают, по бухгалтериям бегать, по руководству и кладовщикам. Это у них очередной жизненный цикл или круг начинается. Но не ада, а рая, естественно, советского, коммунистического...

– Начальство с научно-исследовательской работой к ним даже и не подходило, не пробовало. Какая от таких прохиндеев работа! какой прок! – когда они только про колхоз, про деревню ежедневно и думали... К тому же, у педрилы-“Партоса” этого, как я слышал, даже и высшего образования не было: какой-то техникум только. Может быть даже и кулинарный: не удивлюсь. Он к нам в НИИ по блату попал: родственники какие-то у него в нашем институте работали. Крутые! Они его, упыря, и пристроили, и опекали все годы. Оттого он у нас королём себя всю дорогу и чувствовал, фигурой воистину неприкасаемой. А сейчас, по слухам, и вовсе должность инженера себе получил, гнида. Это с дипломом кулинарного техникума-то!!!...

7

– Подобным же образом, – откашлявшись и отдышавшись в очередной раз, и новую запалив сигарету, стал рассказывать мой уже заметно уставший напарник следующую историю-байку про бывшую свою контору, которая в нём один лишь сплошной негатив вызывала, заметно портила ему настроение, – подобным образом у нас в институте успешно существовала все перестроечные годы и “мафия пионер-лагерная”. Которая прикрылась сама собой лишь при президенте Ельцине, после развала СССР, когда молодые сотрудницы, малолетних детишек имевшие, от нас разбежались быстренько; а добротные подмосковные пионерские лагеря тихой сапой приватизировать начали ельцинские поделники и сторонники, в бордели и притоны их превращать, в элитные кабаки и клубы...

– Возникла же она, эта “мафия”, ещё при Леониде Ильиче Брежневе, опять-таки, но силу и размах набрала уже после него. Причиной же возникновения стали следующие обстоятельства: расскажу тебе и про это, Вить, коли ты ещё не устал меня лицезреть и слушать. На нашем предприятии в середине 1970-х годов был построен в Московской области, на реке Истра, пансионат для сотрудников, летом использовавшийся как пионерский лагерь по просьбам трудящихся, которым очень хотелось, естественно, вывозить своих детишек и внуков на воздух, подальше от душной Москвы; да и самим от них отдыхать, шумных и непоседливых. И поначалу, как мне институтские старожилы рассказывали, весь обслуживавший персонал лагеря набирался из жителей Подмоскovie – и технические работники, и повара с сантехниками и уборщицами, и воспитатели с пионервожатыми; был даже конкурс. Но потом стали возникать проблемы с набором молодых местных девушек-пионервожатых, студенток различных педагогических и медицинских техникумов по преимуществу: работа в лагере становилась для них не престижной, не привлекательной, и они подрабатывали уже в Москве, где были большие возможности и большие заработки, и домой приезжали редко... И тогда руководство НИИ решило набирать пионервожатых из числа собственных молодых сотрудниц, которых становилось всё больше и больше из года в год, а работы для них не было, и которым сулили за это целую кучу выгод: бесплатно поить и кормить все три летних месяца, давать отгулы за летнюю переработку, сохранять оклады и премии; но главное – позволять брать с собой на всё лето собственных детишек в лагерь, у кого они были, конечно же, и бесплатно проживать там с мамами в одной комнате, как и дома, в семье.

– Предложение оказалось очень заманчивым, и на него откликнулись многие. «Уж лучше в деревне у речки сидеть, чем тут в духоте и без дела всё лето», – быстро смекнули девчонки, после чего бежали в профком записываться; расстраивались даже, когда кого-то не брали по причине отсутствия мест... Да что там девчонки! – тем сам Бог повелел с детьми возиться! У нас даже и молодые ребята-инженера с удовольствием ездили туда работать – кто физруками, кто массовиками-затейниками или ещё кем. Для них там и вовсе была лафа: работы – минимум, а удовольствий и развлечений всяких – вагон и маленькая тележка. Да ещё и сытная, обильная кормёжка, плюс ко всему, свежий подмосковный воздух, собственный пляж и речка. А по возвращении – сэкономленная трёх-месячная зарплата в полном объёме и куча отгулов: месяца два набегало дополнительно к отпуску. Парни там наливались соком буквально за несколько дней и чувствовали себя всё лето как петухи в курятнике. Некоторые наиболее резвые привозили себе оттуда будущих жён, как правило уже беременных.

– Так вот и образовалась у нас в институте “мафия пионер-лагерная”, тлетворно-разлагающее влияние которой я, пришедший на предприятие в 1985 году, мог наблюдать воочию – уже по тому хотя бы, что некоторых своих молоденьких и симпатичных сотрудниц я, появившийся в отдел в середине августа, увидел лишь ближе к Новому году. Представляешь себе, работнички-итээровцы!... Они, пионервожатые-совместители, тогда только-только, помнится,

из положенных им отгулов вышли – с мыслями летом опять в лагеря побыстрее умотать, от института, от науки подальше. Эта “мафия” крепко подмяла под своё крыло большинство молоденьких девушек-специалистов, среди которых были и техники, и инженера. И заставить девчонок-пионервожатых после этого работать ещё и в отделах, то есть заниматься своим прямым инженерным делом, прямыми обязанностями, было очень и очень сложно. Поверь. Невозможно даже...

После этого Валерка на “торгово-закупочную мафию” перешёл, которая у них, по его рассказу, образовалась так – передаю слово в слово, как слышал. Два предприимчивых парня из профкома однажды внесли на рассмотрение руководству НИИ следующее предложение: организовать доставку продуктов питания для сотрудников института прямо на предприятие – чтобы экономить их время и силы, освободить всех желающих от утомительного вечернего стояния в очередях в переполненных столичных торговых центрах.

«Посмотрите, что сейчас в наших магазинах-то делается! – не протолкнёшься нигде, к прилавку близко не подойдёшь в любом гастрономе, – резонно убеждали они одного из директорских замов, что за общие вопросы у них отвечал и транспорт. – Приезжие из областей всё как метлой метут, с утра там очереди за колбасой занимают, за мясом свежим, кофе и сыром. А нашим женщинам бедным, что весь день на работе сидят и пыхтят, космос вперёд двигают, ничего уже вечером не остаётся – одна ерунда и отходы, кости и требуха... Вот и давайте мы им поможем, мол, договоримся с магазинами, с директорами их, которых мы чуточку знаем. И будем потом за небольшие проценты продукты самые ходовые прямо в институт доставлять и тут распределять всё спокойно по отделам и по желающим. Представляете, какую услугу великую мы женщинам нашим окажем, как они будут дружно нас за это благодарить. Наценка самая что ни на есть пустяшная, а польза – во-о-о какая! – широко размахивали они руками перед носом растерянного руководителя, зомбируя и убаюкивая того. – Позвольте хотя бы начать, а там-де посмотрим...»

Заместитель директор подумал-подумал – и согласился. По словам Валерки, он, как и Кузнецов Виктор Иванович, тогда уже старым был, больным; и соглашался со всем, что ему подчинённые предлагали, лишь бы самому никуда не вмешиваться, в своём кабинете тихо сидеть и Бога молить, чтобы подольше с насиженного места не выгнали...

Ну и начались у них в институте дела: профкомовские деятели взялись за работу круто. Для начала договорились, чтобы им выделили машину, институтский РАФик с шофёром, да ещё и двух крепких мальчиков в помощь придали, приятелей-инженеров. После этого, собравшись у проходной, они вчетвером поехали утром по магазинам, с директорами которых предварительно установили связь. И те им под завязку забили машину продуктами за какой-то процент: колбасой сырокопчёной, сыром, консервами рыбными и мясными, сгущёнкой, чаем индийским и кофе, деликатесом короче, – которые в институте пошли на “ура”: выстроившихся в очередь сотрудников не смущали даже наценки.

Эксперимент удался на славу, и бригада, по рассказу напарника, стала мотаться по магазинам раз в неделю сначала, потом – когда два, когда и три. Закупала продуктов всё больше и больше, которые тут же и раскупались на предприятии, едва машина пересекала ворота их проходной... Довольные начинанием организаторы потребовали себе ещё людей из молодых сотрудников – в помощь. И люди пошли к ним охотно. Да и как не пойти-то, когда в рабочее время официальным порядком мотаешься по магазинам и всё себе там покупаешь, что только душе угодно, а уж потом остальным. Про магазины можно было забыть, которые становились для работавших коренных москвичей всю вторую половину 80-х годов проблемой.

Человек восемь, в итоге, как насадка цыпляток собрала под себя “торгово-закупочная мафия”; и не каких-нибудь старых “трухлявых пеньков”, слабоумных и бесперспективных, а здоровых молодых парней, инженеров-конструкторов по диплому и образованию, которым,

опять-таки, уже не до работы стало, не до чертежей и программ. Торговля и левые деньги их как гнилое болото засасывали, как мясорубка, из которой выскочить и вернуться к профессии было уже тяжело. Все эти парни в начале 90-х в бизнес скопом рванули, в коммерцию; плюнули соответственно на космос, на институт, на обороноспособность страны, её благополучие, престиж и крепость, и не жалели об этом...

По похожей же схеме, по Валеркиному рассказу опять-таки, возникла и глубоко и надолго пустила корни у них и так называемая “книжная мафия”, отцом-вдохновителем которой, как Валерка, сам тому удивляясь, мне передавал, стал аж начальник сектора из отдела конструкторов, некто Александр Семёнович Слуцкий. Не последний человек в институте, если из должности исходить, не пустозвон, которому, как говорится, сам Бог повелел безвылазно сидеть за столом и руководить работой сотрудников... Но вот, однако ж, и он, прирождённый делец-махинатор, всегда напряжённо державший нос по ветру и почувствовавший уже во второй половине 80-х годов грядущие спекулятивно-торговые перемены, – и он также сумел убедить слабохарактерного заместителя директора, что неплохо было бы сотрудников института регулярно и художественными книгами снабжать, за которыми, мол, им ещё надо было бы по магазинам помотаться-побегать, ножки свои помять, в очередях попотеть-потоптаться. А он-де, добрая душа и за здоровье коллег-сотрудников неутомимый печальник, обязуется облегчить их труд и утомительную беготню отменить, – обязуется организовать, если коротко, бесперебойную доставку редких и дефицитных книг напрямую из магазинов на предприятие.

«Вы даже представить себе не можете, – лукаво и страстно убеждал он одного из руководителей НИИ, – как изголодались наши служащие по редким хорошим книгам, которых днём с огнём не достать и которые они все готовы по ночам от руки переписывать. Они ведь у нас не простые рабочие с заводов ЗИЛ или АЗЛК, а научные сотрудники и инженеры, до знаний, до большой литературы охочие. Журналы, вон, газеты и брошюры разные прямо из рук друг у друга рвут, я же вижу, каждый новый номер до дыр зачитывают, до проплешин. Сколько им можно, в конце-то концов, скажите, ответьте по совести, как на духу, по публичным библиотекам бегать да в очередь там записываться за томиком Шолохова и Булгакова, за Есениным тем же – Поэтом милостью Божией, книжки которого там посетители изодрали и замусолили так, что и читать невозможно? А я им всё это достану, облегчу труд: у меня в книжных магазинах связи имеются. И ничего плохого здесь нет: куда сейчас денешься, без связей-то?! Согласитесь!... Да люди нам с Вами только спасибо скажут за это, поверьте, любые деньги заплатят за Шолохова и Есенина – уверяю Вас! Это такие кудесники и мастера великие и бессмертные, за творенья которых людям ничего не жалко будет отдать, ничего... Я, товарищ замдиректора, – итожил он, – настроения наших работников хорошо знаю: сколько лет уже с ними бок о бок тружусь...»

И он тоже, в итоге, разрешение получил и организовал бригаду, и тоже из молодых и шустрых, с которыми принялся регулярно – на институтской машине и в рабочее время! – по книжным магазинам мотаться, книги там закупать. Ему даже под это дело склад на первом этаже выделили, который довольно быстро заполнился почти до краёв, на котором несколько пудовых замков висело... За редкие книги, за классику ту же он тройную цену как правило брал, за собрание сочинений – и того больше. За произведения современных авторов брал две цены, и люди ему платили. Все они в институте получали приличные деньги по тем временам, а книги стоили дёшево, можно сказать – копейки. Вот люди и кормили этого упырька, Александра Семёновича, кривились про меж себя, но кормили. А потом запоем читали купленные тома прямо за рабочим столом: делать-то становилось нечего...

-...Впрочем, – итожил вводную часть нашей с ним первой ночной беседы Валерка, ставшая в рассказе, как я заметил, предельно объективным и справедливым всегда оставаться,

выдерживать ту “золотую серединку”, вне которой искренний рассказ его быстро превратился бы в злобные поношения и сведение счётов, – впрочем, если уж быть до конца откровенным – должное этому нашему деятелю надо отдать – Слуцкому Александру Семёновичу. Книги он привозил действительно редкие, за которыми ещё надо было бы побегать и поискать. И ещё не факт, что найдёшь и купишь... Я, например, десятитомник Леонида Леонова за три цены у него, помнится, приобрёл, автора «Русского леса», как и собрания сочинений Гоголя, Лермонтова и Шукшина; и остался доволен этими приобретениями. И я в институте своём был не единственным покупателем... Поэтому-то помощников и просителей разных много крутилось возле него, которые привезённые книги на склад и со склада таскали. За это он им товар по магазинной цене продавал, и были они все счастливы...

8

После этого наступила затяжная пауза в разговоре: Валерка устал. Я предложил ему восстановить силы – допить оставшуюся бутылку «Смирновской», на что он с радостью согласился, с удовольствием опрокинул предложенный ему стакан, кусок колбасы в рот засунул. Прожевав и проглотив её, он опять за сигареты принялся, которые не выпускал изо рта как грудничок соску. Я заметил, что он очень много курит: в течение рассказа штук десять, наверное, уже выкурил, опустошив свою пачку «Явы», которая с вечера полной ещё была.

Я, видя это, что ему курить нечего, достал и предложил свои: «Приму» дешёвую, которую всегда смолил, и в Москве и на родине, экономя деньги. Он отказываться не стал, не побрезговал и не покривился; и, видимо, в благодарность за угощение, принялся дальше лекцию мне про свой оборонный НИИ читать. Благо, что до пяти утра времени ещё было достаточно.

– ...Помимо перечисленных стихийных образований были у нас на предприятии, Витёк, ещё и партком, и профком, и комитет комсомола, – устало стал рассказывать он, весь прежний задор ближе к утру растратив, – которые также притягивали к себе молодых людей, сбивали их с панталыку... Среди коммунистов, правда, молодёжи не наблюдалось; и проводили они все свои ритуальные шабаши-сборища во внерабочее время, как правило, дисциплину не нарушали – чего не было, того не было, не станем на них, канувших в Лету, напраслину возводить. Но уж зато на самой работе эти партийные деятели образца 70-х-80-х годов не напрягались, не упорствовали как некоторые, для которых работа была всё, единственным предназначением и смыслом жизненным... У товарищей-коммунистов же смысл был другой – *“светлое советское будущее”*. Его они исключительно своим слово-блудливым языком “приближали”, цитатами надоедливими из партийных и съездовских постановлений-программ, назойливой пропагандой и пустозвонством, граничившим с самообманом и помешательством. Ходили по институту важные и надутые как индюки, смотрели на всех сверху вниз, любимыми Марксом, Энгельсом и Лениным словно стальной бронёй свою душевную пустоту прикрывая, непрофессионализм, ничтожество и убожество. И начальство наше работой особенно не загружало их – потому что не имело возможности, если что, с них эту работу жёстко потребовать. Тем более, наказать. Никто тогда, перед крахом СССР, с могучей партийно-государственной машиной не хотел связываться: себе бы дороже вышло. Вот члены КПСС, и рядовые, и высокопоставленные, и бесчинствовали...

– А вот комсомольцев, смену коммунистическую, на работе было сложно найти: у этих сборища и собрания ни края, ни конца не имели, ни ограничений по времени. Чтобы в будущем настоящими коммунистами стать, верными марксистами-ленинцами, им надо было крутиться-вертеться юлой, учиться проходить сквозь игольное ушко что называется. Штудировать день и ночь классиков и «Манифест...», партийные наказы и директивы читать и держать в уме постоянно, материалы тех же съездов: быть в курсе всего, короче, что касается партии... К инженерии, правда, их основной специальности, к тематике НИИ это отношение не имело, – ну так они инженерами и не собирались быть: вот в чём вся штука-то! Они все как один, бывшие упёртые ортодоксы-комсомольцы наши, грезил о большой партийной карьере, о лаврах членов Политбюро и ЦК, если уж про их идеалы упоминать, которые, лавры, пуще вина и водки кружили их молодые головы...

– В профкоме также жизнь кипела вовсю, и там от обилия молодых парней и девчат было не протолкнуться, которые туда как в Церковь на праздники хаживали – за милостынями к попу... И это было абсолютно естественно и понятно: там царили, правили бал их величество Дефицит, Халява и Дармовщина. Понимай: ставили в очередь на квартиры, распределяли путёвки в дома отдыха и санатории, на Новогоднюю ёлку билеты, выписывали материальную помощь нуждающимся, земельные участки под дачи особо-ценным кадрам “из-под

полы” выделяли, да много ещё чего. Профком есть профком – настоящий Клондайк при советской власти, волшебная шкатулка с подарками, с “ништяками”. Чего мне тебе объяснять-то, трудящемуся человеку! Попасть работать туда, если помнишь, или же просто заходить раз от разу и плакаться было делом крайне полезным и выгодным. Всем. Вот и слетались туда все институтские нытики, плаксы, халявщики и прохиндеи – как мухи слетаются на дерьмо. Как ни зайдёшь туда – всё они там кучкуются и шушукуются, проворачивают *Дела*; или же “полезно общаются” – по-ихнему, по-деловому... А наш профком в этом плане, плане *левых доходов и дел*, плане *наживы*, был вообще заведением удивительным, если не сказать уникальным; был таким предприятием в предприятии или закрытым элитным клубом, со своими негласными правилами и нормами поведения, со своим же достаточно жёстким уставом, который там соблюдался неукоснительно всеми членами, счастливыми обладателями профбилета, чуть ли не по наследству передавался как знамя полка. Как и должность самого председателя, к слову. Представляешь себе!...

– Как это? – напрягшись, сначала даже и не понял я мысли напарника, не врубился, как следует, не догнал. – Что ты имеешь в виду, Валер, поясни?... Я ведь на заводе 17 лет отработал. И у нас там, правильно ты говоришь, тоже профком имелся, куда я за путёвками в пионерские лагеря регулярно бегал, за материальной помощью. И всё всегда получал... Или, почти всегда, скажем точнее. И ничего такого особенного не замечал, чтобы там какой-то особый порядок существовал, жёсткие, как ты говоришь, уставы, правила и законы.

– Ну-у-у, не знаю, Вить, что в вашем профкоме делалось, спорить не стану. Тебе, как говорится, видней. Но что творилось у нас – я хорошо уяснил: в течение десяти лет мог воочию наблюдать тамошние порядки... Я, помнится, когда только пришёл на работу в августе 85-го, – так вот у нас тогда председателем профкома Озимова работала Татьяна Исааковна, красивая породистая еврейка, холеная, дородная, гладкая – бой-баба, как про таких говорят, и одновременно зефир в шоколаде. Она мне уже тем запомнилась и запала в душу сразу же, что на меня как на вошь смотрела при встречах, именно так; да ещё и ехидно ухмылялась при этом, и как-то уж очень зло. Непонятно почему даже: ведь мы никогда не пересекались с ней, не были знакомы прежде; и я к ней ни за чем не ходил, не скандалил и не нарывался... Ну да ладно, сейчас не об этом речь, а о том, что на неё уже и тогда, осенью 1985 года, завели уголовное дело следователи прокуратуры за какие-то там дела-аферы, которые она на нашем предприятии прокручивала: квартирами торговала вроде бы в новом кооперативном доме... Но посадить её не смогли, естественно: она быстренько собрала вещички и умотала с мужем в Израиль, откуда её было уже не достать. Оттуда вообще никого достать невозможно, как известно: для того еврей его и задумывали и создавали после Второй Мировой войны, этот свой разлюбезный Израиль, “землю обетованную”, чтобы прятаться там ото всех, отлёживаться в тепле, жирок наедать, быть неподконтрольными и неподсудными для мировой Фемиды. Повторять тот Вселенский позор, связанный с делом Дрейфуса сначала, а потом и Бейлиса, им уже не охота, понятное дело, терпеть от вонючих гоев препятствия и неудобства...

– Вот и она туда умотала в 1985-м году с наворованными миллионами, эта наша Татьяна Исааковна. И вместо неё председателем профкома у нас стал другой наш еврей, Серёжка Соболевский, тихий и скрытный, культурный, аккуратный такой мужичок 33-летнего возраста, полная противоположность бешеной и нахрапистой Озимовой. Он с людьми держался попроще и поскромней, здоровался со многими за руку, и со мной тоже, милость мне этим как бы оказывал, снисхождение. Но и он, тихоня и угодник, левыми делишками баловался-промышлял, как говорили, – куда же евреям без них? Правда ведь? Без леваков и афер они уже как бы и не евреи станут, а так, обыкновенные русские лопухи, которых повсюду много и которых все клюют, унижают и обижают... За это их, к слову, я евреев имею ввиду, можно похвалить и простить – что породу свою не портят, и к голосу сердца прислушиваются, к голосу крови...

– Короче, пять лет этот Серёжка у нас после этого проработал проформом, или чуть больше – не помню уже. Помню только, что ушёл он от нас в «Газпром», который тогда создавался и набирал обороты, и куда его родная сестра сманила на деньжищи немеренные и несчётные, дурные... И после его ухода, подумай, Вить, и подивись, председателем профкома нашего стал Лёвка Ковалёв, опять-таки чистокровный еврей, который у нас всего два года до этого только и проработал и был “зелёнкой” по сути, или же “помазком”, как в армии про таких говорят; был человеком совершенно случайным, чужим, которого большинство сотрудников нашего института ещё и в лицо-то не знало, не успело как следует познакомиться и разглядеть... Но вот председателем профкома, однако ж, он, тем не менее, стал. Представляешь себе, какие у нас на предприятии чудеса-дивиса творились: должность председателя профкома была у наших местных евреев наследственная.

– А что, у вас в профкоме одни евреи только и были что ли? – удивился я.

– Да нет, конечно же, в том-то и дело что нет. Были и русские, и татары, и мордва. Но в председатели попадали исключительно одни евреи только по какому-то негласному указанию. Кто за этим строго следил? – Бог весть! Но то, что следили – точно... Я про Лёвку Ковалёва этого тоже ничего плохого сказать не могу: нормальный обходительный был паренёк, вежливый и приветливый. Не было в нём ни агрессии, ни хамства врождённого, патологического, которыми Татьяна Исааковна славилась, за что её у нас многие на дух не переносили. Мне лично он, Лёвка, где-то даже и нравился. Я с ним с удовольствием всегда останавливался в коридоре или на улице, помнится, разговаривал, совета спрашивал иногда по разным житейским вопросам, в которых они, евреи, непревзойдённые знатоки, лучше них в которых никто и не разбирается-то, наверное: я это давно заметил. И он мне, не чинясь, рассказывал, помогал. Что было, то было: чего тут темнить и кривляться-то... Но только всё равно было видно и невооружённым глазом, что живём-то мы с ним будто бы в разных мирах, и между нами – стена или пропасть; что разговоры эти наши с ним – поверхностные и ничего не значащие. Так, для галочки, для проформы больше, для вида. Что, всё равно, другом его я никогда не стану, хоть весь наизнанку перед ним вывернусь, всю душу ему задаром отдам. И в свою еврейскую мафию или клан он меня никогда не впустит, нечего даже и говорить и мечтать об том; что вход туда для меня, Ванька сиволапного и простоватого, надёжно и плотно закрыт, навеки, можно сказать, заказан... И эта-то невидимая стена, Витёк, которой они от нас ото всех сознательно и очень настойчиво отгораживаются, сильно меня всегда раздражала и против многих евреев настраивала. Хотя, повторяюсь, отношения у меня с Лёвкой, если со стороны судить, были самые что ни на есть приятельские...

– Лёвка этот, к слову сказать, тоже недолго у нас проработал: в начале 90-х годов в «Газпром» на службу ушёл, под крыло к закадычному своему другу Соболевскому, к огромным получкам тамошним. И вместо него, прикинь, наш осиротевший профком еврей вновь возглавил, Венька Исаев, который в нашем институтском архиве лет десять уже до того болтался, папки там с документами подшивал и паутину со стеллажей смахивал. Вот его-то, бездельника и невежду, и назначили на освободившееся место. Прямо как по заказу! И это происходило, заметь, в начале 90-х годов, когда наш институт прямо-таки на глазах разваливался и разлагался вместе со страной, когда снабжение и зарплата на порядок уменьшились, людишки когда от нас побежали гурьбой как крысы с гиблого места, и тащить и приватизировать на предприятии уже вроде как стало нечего... Но даже и после этого должность председателя профкома оборотистые и дальновидные евреи сознательно за собой берегли – на всякий пожарный, как говорится. Мало ли, мол, куда дальше жизнь повернёт: чего такими хлебными должностями разбрасываться! Они в этом отношении молодцы: на десять шагов вперёд события видят и просчитывают – и подстраховываются. Потому-то исподволь и правят миром со времён Адама и Евы, заставляют всех на себя пахать. А сами только сливки снимают с чужих кропотливых трудов. Молодцы, да и только!...

На этом наш первый откровенный разговор тогда и закончился сам собой: Валерка очень устал ночь целую сидеть и языком чесать, который у него к утру уже еле ворочался. Я его понял и не обиделся – потому что и сам уже слушать его устал, новую информацию поглощать и переваривать.

А, между тем, за окном уже стало светать, и мы из будки нашей накуренной вышли на улицу – проветриться и освежиться. А в пять часов одна за другой на Горбушку начали прибывать машины с товаром: утренний завоз начался. И мы с напарником закрутились юлой, забежали от машины к машине как заводные. И длилось такое наше мытарство до восьми утра ровно, когда другая бригада пришла, дневная, и нас на воротах сменила. Мы с Валеркой переоделись в подсобке и смертельно усталые пошли по домам. Он – на Новозаводскую улицу. Я – на Большую Филёвскую... На пересечении улицы Баркляя с Большой Филёвской мы попрощались и расстались быстро, без сожаления и сантиментов; чтобы через пару деньков опять на воротах встретиться...

9

В следующую нашу с ним смену мы были с Валеркой уже не разлей вода; если и не друзьями крепкими, то приятелями. Прошлая по душам беседа и его исповедь пьяная даром для нас не прошли – здорово меня с ним сблизил-соединил, окончательно и бесповоротно разрушив меж нами тот незримый психологический барьер, что неизменно и неизбежно возникает между людьми в первые дни знакомства. Валерка, и это было заметно и невооружённым глазом, проникся ко мне уважением, а я к нему. Мы оба расслабились в компании друг с другом, приняли нормальное естественное положение в общении и разговорах, что было обоим на пользу только, в радость и удовольствие...

Поэтому-то всю смену мы отработали на одном дыхании, ни разу один на другого косо не посмотрев, не прикрикнув и не заругавшись, тем более, даже и не повысив голоса. Всё у нас катилось само собой – на автопилоте будто бы. Пока я, допустим, поднимал шлагбаум и сличал документы водительские, сопроводительные справки и накладные, он уже по кузову очередной машины ловко так шарил-шнырял, проверял там товар наличный. А если он подходил к шлагбауму – то я, не задумываясь, в кузов лез по собственной воле, сам там всё осматривал и ворошил, как по инструкции полагается. В общем, работать нам было с ним уже не в тягость, а в радость, служебные обязанности выполнять. Так только в крепких любящих семьях обычно бывает, когда супруги понимают друг друга без слов, по одним только первым порывам и жестам.

А в два часа ночи у нас с ним опять был трёхчасовой перерыв, во время которого он сам ко мне подошёл, закурил сигарету, задумался; после чего сказал следующее:

– Я тебе в прошлый-то раз про свой институт довольно подробно рассказывал, помнится, про диковинные порядки в нём. Ну, как прибывавшую на наше предприятие молодёжь по разным злачным образованиям с первых недель и месяцев растаскивали лихие люди, по “мафиям” так называемым, от работы этим молодых парней и девчат отбивая, от космоса. Который им всем довольно быстро становился не интересен, не люб, не важен даже... Так оно всё и было на деле, поверь, Витёк, точно так. Не думай, что с моей стороны это были пьяные выдумки-бредни. Молодёжь действительно отбивали-отваживали от работы всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Клянусь! У нас это становилось законом, по сути, системой... И это было ужасно, как ты понимаешь, – ведь институт оставался без будущего, без надёжной смены, которую руководители наши состарившиеся сами же развращали и гробили на корню подобными псевдо-либеральными порядками и вольницей... И такое происходило повсюду в нашей стране в 80-е годы, в любом КБ и НИИ подобный бардак и разложение в научной и инженерной среде процветали! Многие сотни тысяч юных парней и девчат, молодых специалистов так называемых, выпускников техникумов и вузов, болтались годами без дела, без будущего – и за это получали зарплату и премии регулярные, огромные суммы денег получали на руки за здорово живёшь, которые они не зарабатывали и не заслуживали, которых не достойны были. Совсем-совсем... Невозможно теперь сосчитать даже и приблизительно, какие деньжищи немереные выбрасывались на ветер в Советском Союзе в последние его годы, делом, отдачей не подкреплённые; как уже одним только этим мы разоряли и убивали сами себя, пускали по миру...

– Но и это были не все беды, представь, дружок, что творились на нашем оборонном предприятии, далеко не все. Вот что самое-то страшное и ужасное! У нас, например, во второй половине 80-х годов, когда я пришёл в НИИ, стали образовываться новые отделы для блатных, родственников наших трухлявых руководителей, которых срочно требовалось пристроить в тёпленькие места. Чтобы были они при еде, при питье и не в обиде. Представляешь себе положение: работы нет никакой, или почти никакой; старики-старожилы годами без дела сидят, без

заказов, в носу и штанах ковыряются. А в это же самое время мало того, что молодежь прибывает по распределению, которая не нужна, которая по колхозам и базам только мотается, да ещё и блатные к нам валом прут, 30-40-летние дядьки, ведущие инженера и даже кандидаты наук с окладами в 300 и больше рублей. И они устраиваются втихаря и сидят без дела... У вас вот, Витёк, на вашем стекольном заводе можно б было себе такое представить, чтобы в отсутствие работы образовывались цеха, в которых ново-зачисленные работники априори будут сидеть без дела и дурака валять, и за то получать зарплату? Возможно было б у вас такое, скажи?!

– Да нет, конечно же, – засмеялся я. – Это прямо сказки какие-то невероятные и неправдоподобные, в которые с трудом верится!

– Правильно, сказки! Причём, самые что ни на есть бредовые! – ты верно всё говоришь, верно жизнь понимаешь. Потому что ты – честный рабочий парень, и смотришь на мир со своей трудовой колокольни – честно и прямо, опять-таки, как по идее и надо смотреть, как нормальные мужики-работяги всегда и делают... Да только у нас в Москве всё шиворот-навыворот происходило и происходит. И такие *сказки* в любой столичной научной конторе при коммунистах *былью, реальностью* были. В том числе, и в моём НИИ Прикладной механики, будь он трижды неладен...

– Через два года, по-моему, после моего выхода на работу, – разнервничавшись и очередную закулив сигарету, через минуту продолжил Валерка дальше рассказывать, густо дым из себя выпуская как паровоз из трубы, – у нас в институте образовался новый отдел, *«отдел по изучению передовых зарубежных космических разработок»*, который возглавил некто Вайсберг Юлий Рафаилович. Как вскоре выяснилось – муж сестры супруги одного из пяти заместителей нашего директора, который без работы, видите ли, остался, без средств. Где-то, по слухам, преподавал, с кем-то там в пух и прах разругался, и его с преподавательской работы выперли, дали коленом под зад. Вот он к нам и приполз однажды – “науку вперёд двигать”, которая без него вроде как “встала”. Так, во всяком случае, посчитало наше сердобольное руководство...

– Пришёл, значит, к нам этот Юлий Рафаилович, опальный кандидат наук, получил себе оклад от государства в 500 советских рубликов, да ещё и целую команду дармоедов за собою привёл, новоиспечённых сотрудников своего отдела, массовку так называемую, без которой отдел – не отдел. А среди них были и ведущие инженера, и даже старшие научные сотрудники с немислимыми окладами. Лёвка Ковалёв как раз с ним пришёл на должность ведущего инженера, наш будущий председатель профкома... Для них выделили несколько комнат на первом этаже, новенькие столы и стулья купили. Всё как полагается для работы...

– А теперь послушай и подивись, Вить, чем занимались они, вся эта вновь прибывшая к нам в институт шатия-братия, что было заявлено в планах нового отдела, название которого для постороннего уха, для обывателя звучало ну очень круто, утробный страх на незнающих и несведущих наводя. А там было заявлено чёрным по белому, что подчинённые Вайсберга обязаны были регулярно, два-три раза в неделю, посещать Центральную научно-техническую библиотеку, что на Кузнецком мосту... Зачем, – спросишь, – такая роскошь парням?! Отвечу! Чтобы якобы знакомиться там, через чтение иностранной периодики, с новейшими западными разработками в области ракетно-космических систем, выявлять, так сказать, зарубежные “перлы” и ноу-хау; а потом приезжать и знакомить с ними уже своего начальника... А тот, выделив главное в донесениях подчинённых, должен был писать докладные записки для руководства нашего НИИ, держать руководство в курсе... Так было заявлено в уставе отдела – красочно и делово. И захочешь придраться – не придерёшься. Никакая комиссия не подкопалась бы! Как?! Работой-то и впрямь, если судить по названию, новый отдел должен был заниматься важной и нужной. Кто спорит!

– А на самом-то деле, – переведя дух, ухмылялся Валерка, ядовито щуя глаза и коллег своих бывших отчётливо вспоминая у проходной нового места службы, – на самом деле

этот новый отдел был никому не нужен, кроме его начальника и самих сотрудников. И собрались там сплошь одни захребетники и “жуки”, которые либо по Москве регулярно мотались в рабочее время, по магазинам там разным: это “служебными командировками” у них называлось, – либо по территории института вальяжно прогуливались изо дня в день, воздухом свежим дышали, выставив вперёд животы. Все – сытые, гладкие, важные как индюки, хорошо подстриженные и одетые. У всех полочки месячные по 300-400 рублей, на которые при коммунистах жить ох-как сладко и сытно можно было, которые у вас во Владимире, вероятно, мало кто получал. Так ведь?!

– Да что ты, Валер, – согласно подтвердил я. – 400 рублей в месяц у нас на заводе получал один лишь директор да главный инженер, наверное, только они одни... Я вот, в лучшие годы, больше 200 рублей ни разу и не зарабатывал-то. Но за такие заработки, помнится, у меня вся задница в мыле была; покурить отойти некогда было.

– Вот видишь! И у меня отец, слесарь-сборщик 6-го разряда, больше 250 на заводе Хруничева в советское время ни разу не получал. 250 рублей – это был предел его тогдашних ежемесячных заработков. А наша учёная нечисть вдвое больше его и тебя гребла – и ни черта не делала всю вторую половину 80-х. Абсолютно! От скуки не знала уже, чем себя и занять: ни кроссворды, ни книги, ни домино их уже не спасали... В том отделе блатном, как рассказывали, они сами себе под конец командировки уже выписывали, да по Москве гуляли в рабочее время, чтобы в институте не маяться, не болтаться, чтобы задницу свою размять, которая у них отекает уже начинала и трупными пятнами покрываться от хронического безделья; да ещё от левых, не нужных никому отчётов, что они раз от разу Юлию Рафаиловичу строчили, зная прекрасно, что он “по диагонали” их учёные писульки читал, от случая к случаю... Читал, зевая, а потом такие же пустопорожние отчёты руководству раз в месяц строчил – для галочки и проформы... А те его писульки радужные сначала в шкафы в прихожей у секретарш складывали, а после в мусорный ящик несли, под конец года, – чтобы шкафы макулатурой не загромождать, которой плодилось всё больше и больше к началу 90-х годов, которой сотрудники института пытались отсутствие всякой работы от посторонних скрыть, поддавшись инстинкту самосохранения...

– Руководство про это знало, естественно, – про процветавшее на предприятии очковтирательство и графоманство, – но махнуло на всё и на всех рукой: на сотрудников празднующихся и их учёные записки, доклады. Нужны были им, нашим 70-летним маразматикам-пердунам, какие-то там “перспективные западные разработки”, от которых головная боль одна да геморрой на заднице. Им бы как можно дольше в креслах своих усидеть, на окладах-то академических: у них только об этом голова каждый день болела. А там хоть трава не расти, хоть пропади всё пропадом. Такая у них у всех была гнилая и поганая психология и политика, которая нас, молодых, не устраивала совсем, мучила и раздражала...

– Ладно, Витёк, хватит об этом! честное слово, хватит! Ну их всех к лешему, учёных уродов наших! людишек мелких, праздных и пустых! – нервно произнёс мой напарник далеко за полночь, разволновавшийся не на шутку. – Я когда про свой институт теперь вспоминаю, – мне прямо-таки плохо становится, по-настоящему плохо. Не вру. И я долго в себя прийти не могу, успокоиться от того произвола и бардака, что у нас там в последние годы творились. На хрена мне это всё, согласись, такие переживания и нервотрёпки!

– Хватит, так хватит, – согласился я, видя удручающее состояние своего товарища. – Пойдём с тобой лучше, Валер, по территории погуляем походим, кровь погоняем по жилам, косточки разомнём. Всё лучше, чем в будке-то сидеть, пяти часов дожидаться.

И мы с ним действительно по внутреннему двору Горбушки гулять пошли, посты осматривать соседние ради любопытства, проверять двери на павильонах: закрыты ли. Так до пяти часов утра и проходили, про прошлую жизнь Валеркину ни разу больше и не заикнувшись.

Зачем было парня насиловать, в самом-то деле, коли он так болезненно всё вспоминал, до трясушки прямо-таки...

10

Две смены после того душещипательного разговора мы с напарником прошлую его жизнь не вспомнили ни разу, принципиально. Говорили о чём угодно, когда перекур выпадал, – только не о его институте, не о космосе. Сам я Валерку больше спрашивать не решался, помня его трясучку. И он тоже упорно молчал, о постороннем только трепался, да и то неохотно, больше из вежливости, из приличия, чтобы разговор поддержать, когда стоять рядом и молчать нам с ним становилось невыносимо... Со стороны же было заметно, что он внутренне напряжён, взвинчен даже как после скандала, и что-то пытается всё же высказать мне, недосказанное договорить, “в жилетку до конца выплакаться”. Но отчего-то медлит: толи опять разволноваться боится, толи стесняется, толи ещё чего...

И только поздно ночью в третью по счёту смену, когда у нас на воротах плановое “окно” образовалось, и можно было расслабиться и погулять, напарник мой вдруг не выдержал и спросил меня:

– А хочешь, Вить, я тебе про свой отдел ещё расскажу и про родной сектор, коль уж мы мой институт несколько дней назад начали обсуждать, устройство его и порядки? Узнаешь и удивишься, а, может, и ужаснёшься даже, с какими “гнидами” там мне пришлось десять лет бок о бок трудиться, в одной комнате рядом сидеть – и чахнуть словно бы в КПЗ от одного их вида поганого. Это не люди были, поверь, – чудовища настоящие, которые из меня всю кровушку выпили! все истрепали нервы! Я, собственно, от них два года назад и сбежал. Сначала из института. А теперь вот – и из самой России.

– Расскажи, конечно! обязательно расскажи! – тут же попросил я. – Я же тебя, Валер, об этом с первого дня прошу, слёзно умоляю даже. Очень уж мне любопытно узнать, какая причина гонит тебя, нормального вроде бы паренька, из дома родного, с Родины.

– Злоба гонит, Витёк, на несчастную нашу страну, бесхребетную и бесхарактерную нашу Россию, в которой всё с ног на голову перевернуто как в плохом кино... или в дурдоме каком-нибудь, самом что ни на есть гнилом, отстойном и мерзопакостном; или же в проклятом Богом месте, если приличие и политес отбросить, где “гниды” бездарные и никчёмные сытно, привольно и беззаботно живут, можно сказать припеваючи. А нормальные честные работяги тут у нас лапу вечно сосут и мучаются всю жизнь, этих “двуногих гнид” с молодых лет обслуживают и окормляют, ищачат на них, сволочей, без продыху, терпят их на своей шее. И безо всяких шансов, что страшно-то, что меня, например, убивает больше всего, когда-нибудь в будущем из-под этой паразитарной опеки высвободиться, волю вольную получить и человеком, наконец-то, себя почувствовать, богатырём свято-русским... Всю эту социальную гадость и мерзость я в своём институте отлично узнал, увидел её своими глазами близко, как тебя вот теперь, – и ужаснулся от того кошмарного видения...

После такого вступления неожиданного и через чур горячего мой побледневший напарник сразу же за очередной сигаретой в карман полез и только когда запалил её, дальше свой рассказ продолжил:

– Я когда в свой элитный отдел-то пришёл в августе 85-го, сразу же поразился такому, например, любопытному факту, что в том секторе, в котором мне предстояло трудиться (в нашем отделе их было три), работало аж два начальника – Радимов Кирилл Павлович и Огородников Вадим Александрович. Сектор один, а начальников – два. И у обоих – начальственные оклады, надбавки разные, трудовые коэффициенты и премии. Представляешь себе, картиночка!... Как и почему такое безобразие и государственное расточительство произошло? – я узнал чуть позже, отработав в отделе год, – от “стариков” из соседнего сектора, с которыми ежедневно в домино резался. Оказывается, когда я был совсем-совсем маленьким, когда ещё

мамкину сиську сосал, в нашем секторе умер его тогдашний начальник, 72-летний учёный старик, друг и соратник Виктора Ивановича Кузнецова... Так вот, после смерти начальника этого, фамилию которого я не запомнил, перед руководством НИИ встала проблема: кого на освободившееся место назначить, крайне важное место, важный участок работы... Изначально было два варианта: опытного старика поставить на пару-тройку лет, или же молодого сотрудника – на длительную перспективу. Решили остановиться на втором: доверить сектор молодому работнику. Но кому?

– И тут опять возникло два варианта, две кандидатуры: Радимов Кирилл Павлович, выпускник МВТУ им.Баумана, отработавший в секторе десять лет и показавший себя недалёким, несведущим в космических делах, но очень угодливым, тихим и чрезвычайно скромным сотрудником, членом партии плюс ко всему, что было делом немаловажным, и Огородников Вадим Александрович, выпускник Физтеха, красно-дипломник и кандидат физико-математических наук, светлая голова, умница, который отработал на предприятии вдвое меньше из-за учёбы в аспирантуре и диссертации, но зато зарекомендовал себя как блестящий специалист, знаток и фанат своего дела, но и как задиристый и ершистый парень одновременно, как революционер, с первого дня всё пытавшийся навести на работе “порядок”. В его понимании это означало уволить всех дармоедов к ядрёной матери – ненужных, лишних людей, баллату, балласт институтский, паразитическую прослойку, – которых уже и тогда, в начале 60-х годов, прикинь, было заметно больше тружеников, уже и тогда, на заре космонавтики. И откуда они только берутся, из каких-таких погребов? – леший их знает!... А трудолюбивый и пылкий по-молодости Огородников их прямо-таки на дух не переносил: всё силился дармоедов уволить, а тружеников набрать, оздоровить коллектив, обстановку... Ну, в общем, начальство подумало-подумало, затылки свои почесало – и назначило на освободившееся место Радимова, который для них уже тем был хорош, что, как говорится, не замутит воды и революции не устроит.

– Начальники, Валер, они везде одинаковые, – согласно подтвердил я рассказ напарника, чтобы морально его поддержать. – И у нас на заводе были такие же: начальники отделов, цехов. Лакействующие и угодливые, все – члены КПСС: в 70-е и 80-е годы это вообще было обязательное условие. Тошно было на них смотреть – нам, простым работягам... Зато с такими работать, наверное, проще руководителям предприятий, министрам, партийным секретарям. Как раньше, при коммунистах, так и теперь, при Борисе Ельцине. Поэтому-то таких всюду и назначают, и тянут вверх. И у нас в глуши, и у вас, в столице. Одна система-то!

– Да, ты прав, Вить, прав: начальники приблизительно везде одинаковые. Вот и с Радимовым так же вышло, его в итоге и назначили, а не бунтаря Огородникова, кандидата наук, повторюсь, спеца от Бога, умницу... Назначить-то назначили, но Огородникова этим сильно обидели, унизили даже, заставив его, выпускника Физтеха, подчиняться какому-то бездарю и пронырливому “жуку”... Предельно обиженный и взведённый, Вадим Александрович, как мне рассказывали, пришёл тогда к руководству НИИ и выдвинул условие: или, мол, ставьте меня руководить сектором, что мне по силам, или же я уволюсь к чертям, другую себе найду работу; с красным дипломом и диссертацией, мол, мне это будет проще простого сделать, сами, поди, понимаете. А ваш Радимов пусть тогда один “пашет” и руководит – без меня. Поглядим, мол, как это у него получится... А у нас в институте в ту пору всеми делами ещё сам Кузнецов заправлял, который ещё не был в маразме как в 80-е годы, когда за него его замы правили, а он из больницы не вылезал, из санаториев и профилакториев. А он, Кузнецов, как наши “старики” утверждали, очень не любил, не терпел прямо-таки, когда молодые сопляки ему условия ставили, деньги и должности выпрашивали, стращали уходом. Ну и, не разобравшись в сути, всплыв, он послал Огородникова на три буквы с порога, сквалыгой обозвал, карьеристом и всё такое. Тот обиделся и ушёл: пошёл работать в какой-то академический НИИ, заметно потеряв в зарплате...

– А в секторе у Радимова после этого начался бардак и полное разложение. Старожилы-сотрудники, видя, что молодой Кирилл Павлович – ноль без палочки, что не разбирается ни в чём, не тянет, побежали от него кто куда: кто – в другие отделы подался и институты, кто – на пенсию. С Кириллом же осталась работать одна молодёжь, в основном – одни молодые бабы, от которых пользы не было никакой, которые в наш институт за большими заработками приходили, не за работою... В общем, кончилось тогда дело тем, по слухам, что через год сектор Радимова оказался в глубокой заднице из-за начальника м...дака. Его, сектор, надо было либо распускать, что было сделать крайне сложно из-за важности задач, что на нём висели, либо искать нового руководителя, которому был бы по силам тот груз ответственности и проблем, что выдвигал перед руководством НИИ данный участок работы... И сразу же вспомнили про Огородникова, естественно, позвонили ему, предложили вернуться назад, пообещав заметное повышение в окладе. Он на это ответил, что условие его неизменное – должность начальника и полная самостоятельность в научных делах, равно как и в кадровых... И опять возникла пауза в переговорах, месяца два длившаяся, опять тишина. Очень уж не хотело руководство НИИ строптивому Огородникову полную самостоятельность выдавать, чувствуя, что потом с ним не справится, что замучает он их всех как геморрой на заднице... Через два месяца ему очередной на дом звонок и новое предложение: хорошо, мол, Вадим, уговорил, поставим тебя начальником сектора, лады; но и Радимова, мол, оставим, как хозяйственника; пусть, дескать, он все организационные и хозяйственные вопросы решает, а ты давай занимайся чистой наукой, статьи и книги пиши, мудрёные формулы, к чему у тебя душа лежит, чему тебя в Физтехе аж восемь лет учили... Но Огородников упирается, гнёт своё – понимает, что пути готовят ему в лице хитрожопого Кирилла, от которых он потом взвоят... И тогда руководство вытащило “последний козырь из рукава” – квартиру Огородникову пообещало, который в те годы у тётки жил и поэтому сильно нуждался в жилплощади... Тут уж Вадим Александрович не выдержал – сдался и изменил себе, пошёл что называется на попятную: вернулся в наш институт на должность второго начальника сектора, по науке. А первым остался хитрый и скользкий Кирилл, который руководил сектором исподволь, но твёрдо, как паук паутиною. Деньги и повышения, во всяком случае, он у нас распределял; он же и на главные совещания бегал, где решались все орг-вопросы. А простодушный Вадим с тех пор только пахал и пахал за всех, задницу не отрывая от стула...

– Оклад ему, правда, дали большой – 400 рублей в месяц как кандидату наук и начальнику сектора, да ещё и премиальные 60% ежемесячно к этому приплюсовывались. Получал он у нас прилично поэтому: больше 600 рубликов выходило, прикинь, Витёк. Первые годы в нашем НИИ больше него мало кто получал: разве что директор и его окружение... И квартиру ему руководство выделило двух-комнатную, как и обещало, в новом доме в Черёмушках, привязало к институту накрепко. Да только за эту квартиру и деньги они его, простофилю, скрутили в бараний рог, всё соки из него выжали – без остатка... Логика у руководства простая была, но железная: мы тебе всё необходимое для жизни дали, мол, чтобы ты жил, не тужил. А теперь и ты нам долг давай возвращай, работою и трудом героическим. Нагрузили его, короче, по-полной, всю самую важную и ответственную работу на него взвалили, с которой только он один справиться у нас и мог, выпускник славного Физико-технического института, откуда к нам люди не приходили, как правило, работу в “ящике” считали для себя зазорной. На ведущих ролях у нас поэтому выпускники МВТУ и МАИ работали в основном. Но это всё ерунда, второй сорт в сравнение с Физтехом...

– В общем, попал наш бедный Вадим Александрович как “кура в ошип”, между молотом и наковальней будто бы оказался после своего возвращения. Начальство на него грузит и грузит, не переставая, как на самосвал многотонный. А чего не грузить-то, действительно, когда человек тащит, не ропщет и не кричит: куда столько, мол?! хватит! другим отдайте! Нет, такого на коллективной трудовой памяти не было никогда: не припоминали наши институт-

ские старожилы, а вслед за ними и мы, такого. Совестьливый Огородников работу всегда брал безропотно – надо, так надо! Родина просит! Брал – и первое время старался её на подчинённых хоть как-то переложить, разделить с ними тяготы институтские и проблемы. Ему это и по должности полагалось: подчинённых работою загружать. Он – молодой начальник...

– Но не тут-то было, как достаточно быстро выяснилось: не складывался у него “трудо-вой пасьянс”, с первого дня не складывался. Потому что его норовистым и шибко завистливым подчинённым работа и даром была не нужна, и помогать вернувшемуся Вадиму они не собирались ни сколько. «Ты квартиру и зарплату заоблачную получил от руководства НИИ, – ядовито думали они про него на работе и дома. – Вот и ишачь давай, отрабатывай оказанные тебе милости, коли такой деловой и знающий. А мы лучше в сторонке посидим и посмотрим, и за тебя “порадуемся”. Нам квартир и сумасшедших окладов руководство не выдавало: за какой хрен нам тут тогда надрываться-то?»... Вадим было пробовал сначала бессовестных сослуживцев к порядку призвать: ругался с ними со всеми, ссорился, увольнением особо ретивым грозил, особо борзым, лишением премий. Но в дело немедленно вмешивался Кирилл, который горой вставал за наших местных бездельников и саботажников, видя себе в их лице надёжных и крепких помощников. Все вместе они давали Вадиму мощный отпор, и он вынужден был от подчинённых своих отставать, как горох от стены от них ото всех отскакивать...

– И наблюдалась в итоге поразительная картина со стороны, сложившаяся и закрепившаяся в нашем секторе с момента Вадимовского возвращения. Ему, бедолаге, легче и проще было с тех пор любую работу самому сделать, чем кому-то её поручать и передоверять; и потом за тем саботажником месяцами без толку бегать... Абсурд ведь, бред полный, согласись, Вить, – с жаром обращался ко мне Валерка, ища поддержки своим словам, и понимания, – когда начальник не может своих подчинённых заставить работать; когда сам за них за всех день и ночь пашет и пашет как вол, как мотор не выключенный!... Но именно подобный абсурд и бардак в нашем секторе и сложился в итоге, и процветал. И виною ему, бардаку, был несомненно Кирилл и только один Кирилл, “серый кардинал” при Вадиме, удавка на его тощей шее...

– Хитрый был человек, этот Радимов, и как ужака скользкий. Вёл себя в секторе тихо и неприметно вроде бы, как партизан, ни с кем никогда не ссорился, не ругался – избави Бог! – хотел выглядеть в глазах подчинённых паинькой. Он ведь от науки в стороне стоял, от текущих заданий и проблем, от организации и распределения работы, был у нас этакой низовой “номенклатурной единицей”: чего ему было с кем-то ругаться поэтому, нервы себе трепать?! Это делал всегда Огородников, заводила наш и мотор, гигант дела и мысли, натура пламенная и творческая, увлекающаяся и бескомпромиссная, бесстрашная. Он-то и пытался всех своим огнём запалить, или хотя бы усостыжить; переживал и ругался, когда это не получалось. А тухлому и пустому Кириллу, бездарю и “жуку”, это было не надо... Но уж зато когда поступавшие в отдел деньги надо было распределять, премии и зарплаты, и повышения очередные или внеплановые, – тут уж Радимов вылезал из тени и показывал, кто в доме хозяин и кто всем у нас заправляет. Он Огородникова быстренько в сторону отодвигал: «я без тебя разберусь, – говорил твёрдо, – а ты давай работай». А ежели тот упорствовал и сопротивлялся, хотел как-то поучаствовать и повлиять на важнейший денежно-финансовый процесс, – подключал всё своё окружение, которое с радостью ему помогало норовистого Огородникова “скрутить”, больно того “по ушам нахлопать”...

– Вообще же, как я заметил, поставить Вадима на место было у наших “стариков” единственным, пожалуй, занятием, которое они все и всегда с превеликим удовольствием делали – и кайфовали потом, наблюдая и посмеиваясь над ним, опущенным и униженным. Но истинным и главным виновником тех вадимовских унижений всё-таки был Кирилл, который хоть и прикидывался всегда овцой, но был ещё тем волчарой. Плёл интриги, сплетничал, всё про всех знал: у него в каждой комнате были осведомители, которые ему всё докладывали, каждый наш разговор и шаг. Он-то и плодил в нашем секторе “серость”, старательно поддерживал и опекал

её, понимая прекрасно, что она, как та же ржа или плесень, или опухоль раковая, в итоге всех талантливых пареньков и девчат и сожрёт – людей, что неизбежно будут появляться и сплываться вокруг Огородникова. И тот – хочет он того или нет, – но будет оставаться на службе один-одинёшенек... А с одиноким, с ним Кириллу будет достаточно легко справиться...

– План этот прохиндею-Радимову удавался блестяще на протяжении десятков лет: это надо честно признать, отдать разработчику должное. Его “близкий друг и соратник” Огородников Вадим Александрович так потом всю жизнь в одиночку за всех и пыхтел, сиротинушка, пока сил хватало. И не было у него в нашем секторе толковых достойных помощников никогда: они у нас в принципе не выживали, если даже и попадали к нам от случая к случаю... Он пыхтел за всех, тащил на себе весь сектор и весь отдел, весь наш институт по факту. А хитрюга и деляга Кирилл за его согбенной спиной зарплату с премиями и повышения по службе распределял по какой-то совершенно дикой системе, на трутней, бездарей и полных ничтожеств рассчитанной, не на работников. Работники от его уравниловки и градации возрастной – когда новая должность и более высокий оклад человеку давались за выслугу лет, за жопо-часы по сути, а не за талант, не за знания и трудовые заслуги, – неизменно проигрывали – увы! И с обидой увольнялись от нас, зло хлопнув дверью... И институт от этого стремительно деградировал и умирал, поражённый вирусом, делячества, гниения и разложения...

11

В этот момент к нам внезапно нагрянул бригадир с проверкой. Захотелось ему, видите ли, узнать, чем мы на посту в перерыв занимаемся: не бухаем ли, не “гудим по-чёрному”. Напарник-то мой был как-никак новичок. А новичкам проверки у нас на Горбушке часто устраивали... Поняв, что у нас всё спокойно, что трезвые мы как стёклышко и оба на месте, на боевом посту, он развернулся и пошёл других проверять, пожелав нам спокойного дежурства...

– А хочешь, Вить, я тебе про сам наш коллектив расскажу, пока есть время? – сразу же продолжил Валерка прерванный разговор, – про всех тех саботажников и завистников подлых, с кем Огородникову работать пришлось всю жизнь. И кто и как ему каждый день нервы мотал и портил своим разгильдяйством и наплевательским отношением к делу, к обязанностям инженерным?

– Конечно хочу, Валер, конечно! – с жаром отозвался я. – Чего ты всё спрашиваешь-то? Рассказывай давай. Я тебя внимательно слушаю – не видишь что ли, не замечаешь?

– Начну с того, – улыбнулся напарник, довольный моим вниманием к его словам и рассказам, – что наш теоретический отдел, в котором я десять лет оттрубил, занимал весь 6-ой этаж административного корпуса и состоял из трёх секторов. Наш сектор, самый большой в отделе и самый важный в смысле тематики, занимал три комнаты: под номерами один, два и три соответственно. Третья комната была главная, начальственная, где сидели Радимов с Огородниковым и где стоял городской телефон, по которому мы все бегали и домой звонили. В первых двух комнатах городских телефонных точек не было – только местные... Ну-у-у, чем занимался Огородников? – понятно: тащил на себе теоретическую работу всего отдела и института, сидел за столом безвылазно и постоянно чего-то думал, изобретал, а попутно ещё и статьи строчил и издавал регулярно, книги.

– А чего он изобретал-то? – не понял я, – если ты мне рассказывал в самом начале, что пребывающая на предприятие молодёжь без дела годами сидела, что в вашем НИИ работы не было никакой все 80-е годы.

– Для большинства сотрудников работы не было – это правда, – стал оправдываться Валерка, искренне удивлённый тем, что я так хорошо оказывается всё запомнил, про что он мне с первого дня говорил. – Но для Огородникова-то работа была всегда: он у нас был главным теоретиком и изобретателем, фанатом космоса и трудоголиком, генератором новых идей, которые он без устали плодил-гальванизировал... Главное изделие нашего института – платформа, да, была изобретена и изготовлена до него. Это факт. Но ведь её, как тот же автомобиль или телевизор с магнитофоном, надо было постоянно усовершенствовать, улучшать её основные узлы и детали: уменьшать их вес, увеличивать качество и срок работы. Огородников этим и занимался, как и регулярными пусками с Байконура, с космодрома Плесецк, которые надо было готовить сначала, а после анализировать результаты полётов, выявлять неточности и ошибки. Работа не сложная, но обязательная. Текучка...

– А потом, в конце 80-х годов наш институт подключили к марсианскому заказу, правительство поручило нам поучаствовать в экспедиции на Марс, на поверхность которого планировали ещё и марсоход спустить, чтобы забрать грунт с этой планеты. Этот марсоход планировали на парашюте сбрасывать, и вся его аппаратура поэтому должна была выдерживать большие угловые скорости при падении. А наша базовая платформа – ЛВ300 – для этого не годилась, у которой технологически было лишь три свободно-вращающиеся оси и *угол про- качки* по крену всего лишь 45 градусов. При больших угловых скоростях спускаемого аппарата она не выдерживала и выскакивала на упор; и, соответственно, выходила из строя. И марсоход

из-за этого становился бы не управляемым, превращался бы в грудку железа... Поэтому нам было поручено, совместно с пилюгинским НИИАПом, разработать и запустить в производство другую платформу, *четырёхосную*, с неограниченными *углами прокачки* по трём главным осям – вращению, крену и тангажу. Это уже было принципиально новое изделие, к которому академик В.И.Кузнецов не был причастен, отец-основатель наш...

– Вот эту-то усовершенствованную платформу и разрабатывал Огородников, систему управления для максимальных нагрузок придумывал и оптимальные параметры работы, конструктивную её часть, габариты. Создавал её фактически в одиночку, без посторонней помощи: я наш НИИ Прикладной механики имею в виду. Очень качественно сконструировал и надёжно, как у нас потом говорили. Её Госкомиссия в итоге и выбрала из двух, забраковав НИИАПовскую... Жалко только, что та марсианская экспедиция провалилась в итоге: спутник до Марса так и не долетел, потерялся где-то в пучине космической из-за нашего всеобщего разгильдяйства и бардака, что охватил страну при Горбачёве... Я, наверное, зря тебе всё это так подробно рассказываю, Витёк, не специалисту-то. Просто ты мне задал конкретный и важный вопрос: чем занимался Вадим Александрович, когда большая половина сотрудников института дурака валяла и по колхозам и базам моталась? Я тебе на твой вопрос и ответил – чтобы не оставалось меж нами недопонимания...

– Итак, два начальника сидело у нас в третьей по счёту комнате. И один из них, высокооплачиваемый и учёный, пахал от зори до зори, двигал вперёд науку и технику, и попутно всех подчинённых своими идеями одаривал и окормлял, давал всем задания, работу текущую, следил за её выполнением; или – старался следить по мере сил и возможностей. Второй же, Радимов Кирилл Павлович, Кирюха, как мы его меж собой называли, имея оклад всего лишь 260 рубликов, всего лишь! ежедневно валял дурака фактически, клоуна из себя строил и в работу сектора принципиально не лез, сознательно. Говорил иногда в курилках, что не хочет-де дорогу переходить “другу Вадиму”, вносить разлад в трудовой коллектив, разногласицу. Пускай, дескать, он уж один у нас рулит и творит, без посторонней помощи... По этой же причине он даже выработал для себя особый график: приходил на работу утром и сразу же шёл в курилку, смолил там с мужиками до десяти, институтские сплетни слушал; после чего возвращался в отдел и сразу же шёл в кабинет начальника, Сковорцова Марка Павловича, которому лет 70 было, когда я пришёл, и который уже лет десять как нашим отделом заведовал. Сидел он в кабинете один как волк, ошалевал от скуки и одиночества. И Кирюха ежедневно ходил его веселить: усаживался там до обеда в мягком кресле и лясы на пару с Марком точил, курил опять, политику обсуждал, последние мировые и союзные новости. И такое у них повторялось из месяца в месяц, из года в год. Все десять лет, пока работал, я наблюдал подобное... В половине первого, когда у нас обеденный перерыв начинался, Кирюха выходил от Сковорцова довольный, счастьем светящийся, и шёл в шестую по счёту комнату играть в домино. Там мы все всегда регулярно играли, все наши отделские мужики; для этого там даже стол специальный стоял, накрытый большим листом металлическим. Полтора часа играет с нами, нервничает, страстями кипит, стучит по столу костяшками; а потом с Огородниковым и Сковорцовым идёт в столовую на обед. И только после обеда, часа в три по времени, он наконец за “работу” садится – какую-то “мудрёную” и “долгоиграющую” задачку начинает решать, которая у него никогда не кончалась.

– Так вот и болтался всю жизнь в нашем секторе этот ловкий и ушлый жучила, круглый, вкрадчивый, скользкий как мокрого мыла кусок, на артиста Евгения Леонова очень похожий по виду, спрятавшийся у Огородникова за спиной. Сам болтался, да ещё и помощнику себе заимел – для порядка, которая во второй комнате у нас сидела и про которую я тебе, Вить, тоже обязательно расскажу. Но чуть позже, когда про остальных обитателей третьей комнаты тебе всё в красках живописую, персонажей в нашем секторе едва ли не самых заметных и главных...

12

– С начальниками в комнате у нас ещё и три старых бабы сидели: Шепилкина Герта Васильевна и Ляшкина Галина Павловна, две закадычные подружки с первого дня, две товарки, к которым сумела присоединиться ещё и Захаркина Татьяна Евгеньевна, здоровая 40-летняя дура, про которую – особый рассказ, отдельный. Шепилкиной и Ляшкиной, когда я пришёл, обеим уже под 50 было, обе числились ведущими инженерами в отделе, то есть находились на высших инженерных должностях, и соответственно имели оклады от государства 220 рублей каждая.

– Сколько? – не понял я, думая, что ослышался.

– 220, – повторил первоначальную цифру Валерка, и потом спросил в свою очередь, – А что?

– Да ничего! – ухмыльнулся я. – Ну и заработки у ваших баб были! Воистину космические, о которых у нас в провинции можно было только мечтать, которые и здоровым мужикам не снились!

– Так это только оклады, прикинь! А прибавь сюда ещё и 60% премиальных, то есть ещё 120-130 рублей. И получишь, в итоге, что глупые бабы наши получали по 350 рублей ежемесячно, и при этом ни черта не делали. Или – почти ни черта. Но деньги лопатой гребли, жили на них всласть – и прекрасно себя обе чувствовали... Мне они обе, кстати сказать, по-человечески даже нравились. Особенно, Герта Васильевна сильно меня всегда привлекала, шикарная породистая еврейка, замужняя, но бездетная, с которой у нас с первого дня сложились самые тёплые отношения, непонятно даже с чего. Она меня как только первый раз увидела в коридоре, сразу же стала Валерочкой называть. И так потом все десять лет и звала – Валерочка да Валерочка!... И я к ней испытывал самые нежные и самые добрые чувства, хотя по возрасту она мне матерью была. Но выглядела всегда очень хорошо: стройная ходила, ухоженная и подтянутая, на роды сил не потратившая, на бессонные ночи. В горы каждый год отдыхать ездила месяца на полтора: месяц отпуска, плюс две недели отгулов себе оформляла. Не знаю, правда, откуда у неё отгулы брались: в командировки она никогда не ездила, не посылали её. Про колхозы и овощебазы я и не говорю: туда только молодёжь посылали. Но две недели отгулов ей начальство почему-то давало строго каждый Божий год. И она их с пользой тратила – на солнышке нежилась высоко в горах, на воздухе целебном, тамошнем; приезжала оттуда аппетитная как шоколадка и как персик сочная... Короче, Вить, нравилась она мне, с удовольствием это повторю, и по-человечески, и по-бабы нравилась. И я ей даже пару раз помогал, домой к ней, помнится, ездил по её просьбе: смеситель сначала менял на кухне, а потом помогал мебель передвигать в большой комнате. Я ж в стройотряде работал четыре года, и она про это узнала; вот и обращалась ко мне за помощью, за советом. Доверяла, значит. И тоже мне один раз здорово помогла, когда я в первый же год, проспав после какой-то пьянки, на работу на 40 минут опоздал, и на меня вахтёры накатали “телегу”. Премии меня за это хотели даже лишить: у нас тогда ещё, в 85-м году, с дисциплиною строго было... Так она, Герта, когда про это узнала, – к Скворцову сразу же побежала, хлопотала перед ним за меня. И меня в тот раз простили, не наказали рублём: выговором отделался. И всё из-за Герты... Хорошая была баба, словом, очень хорошая. Я ей всегда доверял. Что было, то было... Она от рака крови, перед моим увольнением, умерла, за полгода сгорела. Жалко...

– Но сейчас не об этом речь, а о том, что в нашем отделе она была не нужна – это тоже факт, от которого никуда не денешься, – потому что работы у неё по сути и не было-то. Вся её работа заключалась в том, чтобы “складировать” чужие бортовые программы, работать этим “кладовщиком” – и всё, баста. Кто-то программы писал, отлаживал их на АЦК и Стенде, и отдавал потом ей, готовые к пуску, к работе в космосе. А она их заносила в общую базу, в реестр, который по мере надобности отсылала на завод в Козельске полным пакетом, где и

делалась “прошивка” бортовых программ, закладка их в бортовой компьютер для очередного пуска. И только-то... И делала она эту свою “складскую работу” два-три раза в год, и за пятнадцать-двадцать минут по времени. А всё остальное время сидела за столом вальяжно и дурака валяла: ногти красила, глаза и губки, книжки художественные читала, журналы по искусству и иную разную дребедень – повышала свой культурный уровень... Выставки художественные очень любила, Царство ей небесное, театры; моталась туда регулярно, в «Современник» особенно, в «Ленком» и на Таганку, самые модные в Москве. А чего не мотаться-то, когда делать нечего – ни дома, ни на работе, – когда времени свободного вагон... Да с её работой-то, если по-честному, за которую она деньжищи немислимые гребла, любой восьмиклассник справился бы – и за тридцать-сорок рублей, за студенческую стипендию, которой он был бы рад несказанно... Такие вот, Витёк, в нашей советской стране были ещё недавно совсем порядки, связанные с отсутствием безработицы. И не Шепилкиной, безусловно, вина, что она этими порядками дикими умело и по-максимуму пользовалась...

– Про подружку Герты Васильевны, Ляшкину Галину Павловну, я тоже плохого ничего сказать не могу. Кроме одного: что и она свои деньги немереные, 350 рублей ежемесячно, незаслуженно получала. Ну просто совсем. Я бы ей, если её способности и возможности объективно и беспристрастно оценивать, знания, четверть от этого только платил, перевёл бы в техники, в лаборантки, будь на то моя воля... Хотя она, в отличие от Герты, на работе очень активной и крикливой была, всё из себя незаменимую корчила, на плечах и таланте которой якобы наш институт целиком стоял все 70-е и 80-е годы... В командировки очень любила мотаться, баба, особенно – на Байконур, где военных много работало, за которых она, старая дева, всё замуж норовила выскочить, за полковника или генерала какого-нибудь: чтобы ему на шею усесться однажды и жить-поживать за его счёт. Высокопоставленный и высокооплачиваемый военный – заветная мечта любой такой вот сверхактивной и сверхамбициозной дамы. Это был и есть общеизвестный факт, жизнью не раз доказанный и проверенный...

– А кто же её в командировки-то посылал, не понял? – искренне удивился я, – если ты говоришь, что она инженером была хреновым; что деньги не заслуженно получала, и место ей было в техниках, в лаборантах.

– Так на Байконуре неделями сидеть и очередных пусков ждать ума много не надо было. От неё ж там ничего такого особенного не требовалось: всё уже давным-давно было сделано в Москве, отлажено и “прошито”. А она, как официальный представитель нашего отдела и института, просто должна была пуски сопровождать и где-то там по завершении полёта распи-сываться. А после получить *телеметрию* на руки от военных, доставить её в Москву и передать Огородникову – для анализа. Всё. Такая тогда была в СССР, в нашей космонавтике в частности, система. И работала она безотказно, надо сказать, многих дармоедов кормила, которых кормить и не следовало бы.

– А если что случится, к примеру? – всё удивлялся я, поверить никак не мог, что в командировки на космодромы из советских научно-исследовательских институтов посылали дебилов одних, шутов гороховых и пустозвонов. – Кто тогда неисправность-то станет ликвидировать, не пойму, советы давать ракетчикам?

– В математическом обеспечении, за которое наш отдел отвечал, неисправностей не бывало, как правило. Мы их все в Москве ещё вычищали и ликвидировали – на АЦК сначала, а потом и на испытательном Стенде. Но если у военных, допустим, кто и правили на космодромах бал и всем там заправляли-командовали, по нашим программам вдруг возникали вопросы, и они обращались к ней, то она просто обязана была, перед тем как давать им официальный ответ, пойти и позвонить в Москву по ВЧ и получить добро от Огородникова, как своего начальника и главного разработчика тех программ. И он ей всё подробно и как следует растолковывал; а она – им. Такая была система. Отсебятины пороть она по определению не могла, не имела права: так у нас всё было заведено, и так много лет работало – под роспись

и протокол, как в милиции на допросе... А если же что-то серьёзное на Байконуре или в Плеске происходило и непредвиденное, – тогда она и вовсе там была не нужна: туда тогда вылетало всё наше руководство в спешном порядке во главе с заместителем директора по науке. Это уже была чрезвычайная ситуация, ЧП так называемое, которое разруливали только они одни, наши “генералы космические”, доктора и академики.

– Ну а если, к примеру, просто так кто-то с ней из военных захотел бы про науку, про космос поговорить, в столовой там или на прогулке, – всё не унимался я, советскую научно-исследовательскую систему работы понять и оценить пытаюсь. – Как она с ними, дура набитая по твоим словам, беседовала-то, как выкручивалась?

– Очень просто, – смеялся Валерка, потешаясь над моей наивностью и житейской неискущённостью. – У неё, хитрожопой еврейки, на этот случай был припасён надёжный и стандартный ответ. «Понимаете, Иван Иванович, к примеру, – с глубокомысленным видом отвечала тогда она, кривясь в брезгливой усмешке. – Ваш вопрос достаточно сложный и многоплановый: в двух словах я Вам объяснить его не смогу; при всём, так сказать, с моей стороны желаний. А лекцию Вам сидеть и читать я не расположена, проводить курс ликбеза... Да и Вы всё равно не поймёте, за один-то раз, мой рассказ не осилите. Так что, Иван Иванович, дорогой, извините, но берите наши отчёты и пыхтите сами»... Такой её ответ, поверь, Витёк, действовал на всех отрезвляюще, как удар хлыста... И спрашивать крутую и “высокообразованную” москвичку о наболевшем, дальше о чём-то её пытаться больше уже никому не хотелось, дураком себя выставлять...

– А что, и она, эта Ляшкина ваша, была еврейкою? – задумавшись, спросил я напарника через минуту, дивясь обилию евреев на бывшем его предприятии.

– Была, – услышал я тихий ответ. – Причём – полукровкой, по матери; или по отцу – Бог весть: врать не буду. Но это-то и было в ней самое страшное.

– Почему?! – не понял я, не представляя даже, что имеет в виду Валерка.

– Да потому что, как я заметил, от полукровок этих только беды и нервотрёпки одни, и головные боли. Они и сами все психически-ненормальные, дефективные какие-то с рождения, и нас психопатами делают при регулярном с ними общении, вампируют, кровь постоянно сосут... Они ведь нас, добродушных русских людей, всю жизнь презирают, ненавидят прямо-таки за нашу в них “слабую” и “жидкую” кровь, которую якобы мы в них влили. Из-за чего они евреями по-настоящему так и не становятся будто бы: чистокровные евреи их, полукровок, всё равно недолюбливают, в свой избранный круг особо-то и не допускают, не считают за своих... Вот они и бесятся, и истерят; на нас, русских, все свои беды и проблемы выплёскивают. Так, во всяком случае, я для себя за время плотного и ежедневного десятилетнего общения с ними для себя отметил...

– Она и Ляшкина Галька такая же истеричка была: помнится, двух слов спокойно не могла сказать – переходила на повышенный тон сразу же, а потом – на истерику. От неё на Байконуре мужики, как мне по секрету рассказывали, как черти от ладана шарахались. Потому-то она старой девой всю жизнь и прожила, у которой даже и любовников, как знающие её люди рассказывали, никогда не было... Хотя на мордочку вроде бы и не страшненькая была, и попка у неё имелась приличная, и бёдрышки: фамилию свою она оправдывала с лихвой. Мужики-то на неё заглядывались по незнанию... Но познакомятся с ней поближе, поговорят минут пять – и быстрее ветра от неё, истеричной, бегут. Потому что характер!!!... Да и на денежки жадная была, ужасно скарёдная и мелочная. И гонору – выше крыши. Вот от этого гонора, высокомерия неоправданного и страдала всю жизнь, “в лужи” раз от разу садилась...

– Помнится, однажды начальство её в Днепропетровск послало в 87-ом или 88-ом году, к хохлам на «Южмаш», где большинство советских тяжёлых ракет делали и делают до сих пор, и где наши гиро-платформы всюю используют. Она обрадовалась и полетела, дурочка:

решила Хохляндию за государственный счёт посмотреть, в Днепре задарма поплавать и окреститься... А там, на «Южмаше», люди серьёзные работали, учёные высокочеловеческие, инженеры, специалисты своего дела, «зубры», от которых шуточками и прибауточками не отделаешься, как на Байконуре, которые быстро поняли, что Галина Павловна – пустозвон, клоун московский, напудренный, не смотря на свои высокие должности и солидный стаж, на жаргон псевдонаучный и всё остальное; и не знает по гороскопам ни кляпа, что в элементарных инженерных вопросах как первокурсница плавает... Ну, в общем, разразился громкий скандал. С Галиной Павловной там случилась истерика прямо на совещании. Из Днепропетровска позвонили к нам в институт и заявили руководству прямым текстом: на хрена, мол, вы нам сюда присылаете какую-то куклу необразованную, крашеную, которая в двух соснах блуждает и не отличает х... р от болта. Нам, мол, такой цирк-шапито тут не нужен... Делать нечего. Пришлось собираться и ехать туда Огородникову в спешном порядке, вопросы с хохлами-ракетчиками решать-утрачивать, разгребать завалы образовавшиеся... Ляшкина же с той поры про «Южмаш», как и про страшный сон, старалась не вспоминать, больше и слушать ничего не желала про Днепропетровск и хохлов, которых она с той поры невзлюбила...

– А ещё было интересно мне всегда наблюдать, Витёк, на её отношения с Гертой Васильевной, душевной подружкой своей, чистокровной, подчеркну, еврейкой. Уж так она перед Гертой крутилась всегда, так той угодить старалась – прямо-таки из кожи вся вылезала, наизнанку выворачивалась... Но Герт, всё равно, как-то холодновато к ней относилась, и снисходительно, свысока. Не считала её равной себе, на одну доску её с собой никогда не ставила. Так со стороны казалось... Да и характерами они разительно отличались, манерами и поведением. Хотя обе и подружками были достаточно долго, обе – еврейки, казалось бы. Но – нет, разница между ними была очевидной. Покойнице Герте – той работа была до лампочки, как и сам наш НИИ. Она особо и не скрывала этого, что исключительно из-за денег работает, из-за стажа, и гения космонавтики, фаната тем более, из себя не корчила никогда. Зачем? Кому это было надо, такое пустое кривляние? Она выбила себе максимально-возможный инженерный оклад к 40 годам каким-то там левым способом – и успокоилась на этом. Получала ежемесячно свои 350 рублей – и в ус не дула, как говорится, не нервничала, не суежилась. Вела себя солидно и уверенно со всеми, по-еврейски, по-хозяйски то есть, как евреи везде и всегда себя и ведут, и правильно делают, между прочим, если им такое везде позволено. Довольная жизнью и судьбой, она моталась по музеям, по выставкам разным, квартиру свою обставляла по последнему слову и моде: у неё не квартира была, а музей. Да и в общении она была достаточно приятная и покладистая, если собеседник ей нравился, безусловно, если по сердцу был. Со мной так вообще она себя как мать родная вела: я тебе уже говорил про это.

– А Ляшкина – нет, та вся на нервах была каждый день, на пружинах, всем вокруг всё доказать пыталась, что она очень талантливая, очень умная, незаменимая прямо-таки; что её все любят и знают, что везде как мессию ждут. На полном серьёзе считала, дурочка, что если она, допустим, на Байконур не приедет однажды – то и ракета без неё не взлетит, завалится на бок на старте. Не слабо, да, Вить?! Высокомерием баба обладала воистину гипертрофированным, ежели дьявольским не сказать, чтобы её не обидеть... Со стороны это выглядело ужасно смешно. И ужасно глупо, по-детски прямо. Правильно в народе у нас говорят, что если Бог захочет наказать человека, он перво-наперво отнимет у него разум. А разума нет – считай что калека: это уж дело известное и понятное... Вот Галина Павловна уважаемая такой калеккой убогой жизнь свою и прожила. Калеккой и помрёт, наверное, в полной уверенности, что без неё жизнь на земле закончится, что сразу же остановится всё, в пыль, в труху превратится...

13

Про третью, младшую обитательницу начальственной комнаты, Захаркину Татьяну Евгеньевну, Валерка мне начал рассказывать, когда на улице уже светало, и до начала утренних завозов оставалось не более часа по времени. Но рассказ его тот последний был в высшей степени интересный и познавательный, который я с удовольствием и передаю.

– Захаркина Танюшка у нас и вовсе была таким экземпляром диковинным и неправдоподобным, какого ещё и не в каждом дурдоме сыщешь, честное слово! кто и там бы, в психушке, на “доске почёта” вечно висел, как “особо отличившийся сумасшедший”, – было первое, что я услышал от своего напарника про его бывшую сослуживицу. – Представляешь, Вить, парадокс: баба окончила лесотехнический институт когда-то. И место ей было в лесу: подмосковный лес она обязана была обихаживать и разводить согласно полученному образованию, ограждать его от сорняков и вредителей разных, от браконьеров. Но вместо этого она, коренная москвичка, оказалась в нашем НИИ Прикладной механики каким-то невероятным образом, да ещё и в теоретическом отделе, где приличные знания высшей математики требовались, механики, физики, электронной техники, чего она сроду не знала, по определению знать не могла: в лесотехническом институте этого не преподавали... И, тем не менее, она оказалась у нас. Думается – по большому благу. Причём, благу у неё был какой-то уж очень крутой, в руководстве института, по-видимому; потому что её, новоприбывшую соплячку, посадили в третью главную комнату, куда начальники наши из молодых принципиально никого не сажали, по возможности ограждая себя от шума лишнего, от посторонней колготы, суеты. Вся прибывавшая молодёжь у нас сидела в первых двух комнатах по негласному правилу, чрезвычайно перегруженных из-за этого, перенаселённых и чрезвычайно-шумных. А вот Захаркину Таню начальники сразу же посадили к себе. И даже и Шепилкина с Ляшкиной не смогли этому помешать, имевшие в секторе власть и влияние; хотя они обе Захаркину недолюбливали... Как такое могло случиться? – Бог весть! Я рассказываю тебе только голые факты, Витёк, и только правду. Без пошлых догадок и предположений, которые сплетням и слухам сродни, и которые я не терплю и никогда не использую.

– И чем же она занималась у вас, эта твоя Захаркина? – удивлённо поинтересовался я, не понимавший, не представлявший даже, чем может заниматься выпускница лесотехнического института в оборонном космическом НИИ. – И сколько, соответственно, денег у вас получала?

– Получала 300 с лишним рублей ежемесячно, если с премиями считать, – услышал я какую-то совершенно уж неправдоподобную цифру. – Она же у нас старшим инженером числилась, когда я на работу пришёл, имела оклад 200 рубликов, как и полагается по тарифной сетке. Это чуть меньше, да, чем было у Шепилкиной и у Ляшкиной, но тоже, согласись, не мало. В подмосковном лесу она такие деньжищи точно бы не заработала... Ну а чем она занималась, спрашиваешь? Отвечаю прямо и откровенно – ничем. Разве что по институту ежедневно очумело кругами моталась с разинутым по-собачьи ртом: мужа себе всё найти пыталась. Или, на худой конец – любовника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.